

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«СОТНИК ИЗ БУДУЩЕГО»

АНДРЕЙ БУЛЫЧЕВ

УНТЕР
ЛЁШКА

ЕГЕРЬ ИМПЕРАТРИЦЫ

1

Егеръ Императрицы

Андрей Булычев

Егеръ Императрицы. Унтер Лёшка

«Автор»

2020

Булычев А.

Егерь Императрицы. Унтер Лёшка / А. Булычев — «Автор»,
2020 — (Егерь Императрицы)

Офицер Российского спецназа Алексей, находясь в служебной командировке в Сирии, подрывается на фугасе и попадает в 18 век, в тело «недоросля» – пятнадцатилетнего сына помещика Егорова. Алёшка, приписанный по традициям своего времени к гвардейскому полку и уже имевший унтер-офицерский чин, проживает в родительском поместье, и своего первого офицерского звания ему нужно ждать более года. В это время Российская империя ведёт ожесточённую войну с Речью Посполитой и Османской империей. Батюшка Алёшеньки, отставной Елизаветинский офицер, передаёт ему свой штуцер, трофей, привезённый им после семилетней войны с Пруссией. Именно с этим нарезным и дальнобойным оружием и отправляется в первую русскую армию на Дунай юный унтер-офицер Лёшка Егоров.

© Булычев А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть 1. Недоросль	5
Глава 1. Российская империя. 25.08.1769	5
Глава 2. Сирийская Арабская Республика, провинция Идлиб, зона деэскалации. 25.08.2020	7
Глава 3. Козельский уезд Московской губернии. Усадьба помещика Егорова	9
Глава 4. Прусский штуцер	15
Глава 5. Состязания в штуцерной стрельбе	20
Глава 6. Троекуровы	24
Глава 7. Часовой есть лицо неприкосновенное!	27
Глава 8. Дорога в действующую армию	31
Глава 9. Полевой штаб первой русской армии генерал – аншефа графа Румянцева	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Булычев

Егерь Императрицы. Унтер Лёшка¹

Часть 1. Недоросль

Глава 1. Российская империя. 25.08.1769

– Ох, и всыплет мне ваш папенька, Ляксе́й Петро́вич, по самое не балуй всыплет горячих, – ворчал, хмуря густые брови, Матвей. – Говорил же он нам: «Дома нынче сидите, нечего вам по лесам шастать, ибо ненастье вон надвигается». Нет ведь, не послушались мы его с вами. А у него ведь всё время к непогоде нога загодя ноет. Ещё с тех самых пор, как её пруссаки под Кольбергом прострелили.

– Да ладно, дядька Матвей, зато гляди, каких мы с тобой тетёрок добыли, – тряхнул головой белобрысый парнишка и кивнул на двух связанных за лапы птиц, перекинутых через плечо воспитателя. – А коли дал бы батюшка свой штуцер, так и вовсе бы косулю стряпухе принесли, жаль вот, далеко та коза была, с нашей-то фузеи не в жисти не взять её было. Ничего, не переживай дядька, чай, поспеем к себе-то до дождя. До усадьбы всего-то ничего осталось, какая-то пара верст, и мы уже у себя под крышей будем.

– Ну не знаю, не зна-аю, – протянул глубокомысленно Матвей. – Вона как тучи-то вокруг сгустились, со всех сторон они нас уже обступают. Можя, лучше было бы нам в лесу от непогоды схорониться? Под густой-то ёлкой ведь, как в шалаше, можно любую непогоду пересидеть, ужель до вечера не развеяло бы всё вокруг?

Действительно, с запада надвигалась тёмная туча, слышались хлесткие раскаты грома и сверкали яркие молнии.

Пятнадцатилетний сын местного помещика Егорова Лёшка перекинул охотничью кремнёвку дулом вниз и махнул в сторону недалёкой уже усадьбы.

– Давай-ка, дядька, мы тут по полю путь срежем, тогда уже точно время выгадаем! – и, не дожидаясь ответа своего многоопытного товарища, паренёк бросился бегом через овсы.

Матвей же только крикнул неодобрительно и, подминая посев, заспешил вслед за своим сорванцом.

Они уже были посреди поля, когда вдруг задул сильный, порывистый ветер и первые крупные капли дождя с глухим стуком упали на землю. Пары минут не прошло, как вслед за ними с неба хлынул уже целый поток.

Лёшка вдруг резко сменил направление и принял чуть вправо, где, словно островок среди моря, виднелся небольшой поросший кустарником холмик с двумя стоявшими на нём большими берёзами. Матвей тоже прибавил было ходу, но угнаться за своим барчуком он всё равно не смог, а тот уже заскочил под самую большую берёзу, и в неё прямо на глазах у ошавшего воспитателя вдруг ударила малиновой огненной дугой из тучи огромная молния. Раздавшийся затем оглушительный грохот с накатившей следом за ним горячей волной свалил Матвея на землю. Чуть-чуть очухавшись, он поднялся на корячки, вглядываясь перед собой.

Несмотря на проливной дождь, берёза перед ним пылала жарким пламенем, а под ней, свернувшись калачиком, лежал его Лёшка – Ляксе́й Петро́вич, сын местного помещика и бывшего воинского командира Матвея Лыкова, его воспитанник и его вечная головная боль и забота.

Дядька, скользая по раскисшей глине, забрался на холм и упал на колени перед мальчишкой.

– Лексей, Лексей, Лёшенькаа!!! – закричал тонким голосом немолодой мужик и, разорвав на мальчишке рубаху, припал ухом к его груди. Сердцебиения у него слышно не было. Схватив дитё на руки, он ринулся сломя голову в сторону усадьбы.

Глава 2. Сирийская Арабская Республика, провинция Идлиб, зона деэскалации. 25.08.2020

Знойное сирийское солнце стояло в зените и раскалило броню техники так, что даже через тактические перчатки спецназа чувствовался сейчас этот лютый полуденный жар. До контрольной точки встречи с «партнёрами» оставалось ещё около пяти километров пути по безлюдной, пустынной местности. Рядом со старой бензозаправкой российской группе из двух БТР-82А и трёх «Тигров» предстояло соединиться с тремя турецкими броневиками Kırğı и затем уже продолжать патрулирование по трассе М-4 совместно.

Это был восьмой выход группы Алексея за август. Ему приходилось сопровождать конвои, прикрывать работу пеших групп спецназа и патрулировать свой район. До смены и убытия в Россию оставался всего лишь месяц. Один месяц на этой далёкой от России войне. Ещё тридцать жарких и долгих суток на арабской земле, и уже там, у себя, можно будет потом забыться, скинуть с себя это вечное тягучее напряжение и ожидание удара и затем просто нормально жить. Как же ему хотелось к себе на Родину!

А пока старший лейтенант Егоров, следуя в своей командирской машине, отслеживал на планшете данные по оперативной обстановке, получаемые с их «Орлана», и задавал дальнейшие целеуказания для наблюдения оператору беспилотника. Лучше бы, конечно, чтобы вместо него их прикрывали родные и такие надёжные вертушки, но туркам, типа «контролирующим» эту часть Сирии, уж очень не нравилось присутствие Российской авиации в своей зоне ответственности, и приходилось как-то с этим мириться, сохраняя и поддерживая такой хрупкий баланс сил. Поэтому пара Ми-35, проводив группу до начала турецкой зоны и пройдя под конец над самыми машинами, повернула затем к себе на базу. Прикрытие с воздуха можно было теперь ждать не раньше пяти-шести часов вечера и уже только по выходе в свою зону ответственности.

– Усилить наблюдение, группа! Подходим к точке встречи. Наши партнёры уже на месте, – бросил в эфир командир, увидев три турецкие бронемшины, замершие на обочине трассы.

Двумя часами позже сводная группа входила в Урум-эль-Джауз. Первыми разбитый участок дороги перед самым посёлком прошли турецкие бронемшины. Они обогнули заглохший прямо посреди дороги древний грузовик, загородивший своей тушей большую часть трассы, и стремительно прибавили ходу. Что-то не нравилось во всём этом Алексею, его мозг по привычке, привитой ещё в «Рязанке», работал, словно живой процессор, анализируя всё происходящее вокруг.

Слишком это было удобное место для засады! Рядом находились развалины строений, слева была большая воронка, и этот замерший прямо посередине дороги грузовик, он словно специально направлял всё движение к правой обочине, тем самым сковывая собой всякий манёвр. И что характерно, ни одного мирного жителя в непосредственной близости, а ведь это достаточно густонаселённый район провинции! Да и турки неспроста так рванули вперед, словно соревнуясь в гонках по бездорожью с русскими.

– Боря! Прибавь скорость. Всем – готовность номер один! – отдал по радиации распоряжение командир и, откидывая боковую бронезаслонку, высунул наружу ствол своего АК.

Передовой БТР, объезжая застывший грузовик, уже почти что его миновал, когда в его бок в упор, буквально с тридцати метров, от ближайших развалин ударила вдруг реактивная струя гранатомёта.

– Гранатомётчик справа! Всем – огонь! – закричал Егоров, и по лежащим внавалку бетонным блокам, плитам и всевозможным строительным обломкам ударили тяжёлые пули крупно-

калиберного «Корда», гранаты автоматического станкового гранатомёта «Пламя» и всей той «стрелковки», которая только была сейчас в их группе.

82-й чадил дымным пламенем, и нужно было срочно спасать тех, кого ещё было можно.

– Центр, я Астра-5, я Астра-5! На меня совершено нападение при входе в Урум-эль-Джауз, одна коробочка горит, прошу помощи!

Тигр командира ринулся к подбитой технике, чтобы успеть выручить своих ребят и, не доезжая буквально пяти метров до горящего БТРа, сам скрылся в гигантском облаке из песка, камней и огня, взметнувшихся над машиной.

26.08.2020. Россия. Вести-24

«25.08.2020 в 16:30 при проведении совместного патрулирования с турецкими военными около населённого пункта Урум-эль-Джауз в зоне деэскалации провинции Идлиб Сирийской Арабской Республики неизвестными боевиками было совершено нападение на объединённую военную колонну. По причине подрыва бронетехники на фугасе у российской стороны есть пострадавшие.

Командование российской группировки войск в Сирии во взаимодействии с турецкими военными, а также с сирийскими органами безопасности устанавливает причастность действующих в зоне деэскалации Идлиб боевиков к нападению на колонну».

Глава 3. Козельский уезд Московской губернии. Усадьба помещика Егорова

Где я, что со мной. Что случилось? – тукала в висках мысль и пока что не находила ответа. В голове сверкали какие-то неясные и путанные образы.

Вот маленький мальчик обнимает папу в красивой военной форме, и тот, улыбаясь, подбрасывает его вверх, отец такой загорелый и счастливый. На его груди виднеются награды – крест ордена Мужества на красной колодке, а рядом на голубовато-серой ленте медаль с танком и надписью «За отвагу».

– Мой папа – офицер, он пришёл с войны и победил там всех бармалеев, он у меня самый смелый! – говорит мальчик другим, таким же, как и он, сорванцам в своём садике.

Вот мама прижимает его голову к себе, и они вместе с ней плачут, не стесняясь своих слёз, а рядом стоят с виноватыми лицами дяденьки с большими звёздами на погонах и виновато переминаются с ноги на ногу. И на столе лежит коробочка со вторым орденом Мужества. Рядом нет отца и никогда уже больше не будет.

Спортивная секция самбо, соревнования, и на шее у повзрослевшего мальчишки на красивой трёхцветной ленте висит золотая медаль с цифрой I. И какой гордостью светятся глаза у мамы, которая стоит в первом ряду среди зрителей.

Последний звонок, выпускной, и руки его девушки Маши на плечах в кружении танца. Вступительные экзамены в РВВДКУ – Рязанское высшее военное десантное командное училище имени генерала армии В.Ф. Маргелова – кузницу офицеров ВДВ и Спецназа России. Лысая голова первокурсника, наряды вне очереди, недосыпание, эта вечная усталость и постоянное чувство голода.

– Эй, «минус»! Давай, три «взлётку» лучше, сейчас опять всё по новой перемывать будешь! – как же тяжело здесь быть «перваком», и как же ему это всё суметь перенести!

И вот уже вторая курсантская полоска на рукаве форменной куртки – а жизнь-то налаживается! Полигонные стрельбы, ночные марш-броски, укладка парашютов и первый прыжок. Это будто шаг в другую жизнь, когда, преодолев себя и все свои страхи, ты рождаешься, словно заново, для иной жизни. Какая же тишина там, в небе, под светлым шёлковым куполом! Такой тишины точно нигде нет на земле.

А, нет, и там уже её тоже нет – вон как орёт от восторга Серёга с третьего взвода! Слышал бы это его ротный Иваныч – летал бы потом любитель образных выражений по внеочередным нарядам весь месяц!

Третий курс – мы уже «старшаки»! Типа, жизнь знаем, когда службу как следует тянуть нужно, а когда и где сачкануть можно – поняли. Всё бы хорошо, но как же тяжело даются эти основные английский и турецкие языки, а тут ещё арабский с немецким как дополнительные зубрить нужно! Ну вот зачем нам забивать так этим всем голову, нас что здесь, на переводчиков, что ли, готовят? И так ведь времени свободного мало, лучше бы давали больше тактики, что ли, или на стрелковую подготовку упор делали!

Снова соревнования: самбо, рукопашный бой, бег на длинные дистанции, стрельба из боевого оружия и метание всего того, что можно метать. О-о-о, а со мной уже считается сам начальник курса.

– Егоров, нужен хороший результат по стрельбе на округе!

– Постараемся, товарищ полковник!

Четвёртый, пятый курсы, выпуск, и вот оно, долгожданное распределение по частям. На голубых погонах блещут по две лейтенантские звёздочки, и блещут слезинки в глазах у мамы. Мама, мама, милая мама, не плачь, пожалуйста, всё у меня дальше будет хорошо! Послужим Родине, как и положено на Руси. А то, что Машка не захотела стать женой военного и выбрала

для себя богатого коммерса, – так это не беда, мама. Значит, не моя-то была судьба, а чужая. Моя? – А моя, выходит, где-то меня ещё ждёт.

Служба в бригаде, Кавказ, и тот, первый бой в горах. Старлейские погоны, Сирия, последний патрульный выход, горящий БТР, удар, огненный всполох, боль, темнота, всё...

И вот всё это каким-то образом перемешивается уже с другими яркими образами, словно бы в каком-то гигантском калейдоскопе.

Большой двухэтажный дом помещицкой усадьбы, с высоким каменным крыльцом на входе. Мама в длинном платье и в кружевном платке на плечах. Слева от неё стоит моя сестра Анна, по правую руку – уже совсем взрослый брат Павел, а сам я стою чуть впереди всех, смешно пританцовывая на месте от нетерпения. К нам правит коляску наш кучер Савелий, в большой чёрной картузной шапке на широкой бородастой голове. Вот, из неё неловко выбравшись, ковыляет к нам, сильно припадая на левую ногу, высокий и худощавый, уже довольно немолодой мужчина в военном камзоле и при шпаге.

– Ну что же ты стоишь, Лёшенька, иди к батюшке, он ведь к нам вернулся с войны!

Болезнь и смерть мамы, отчаянье, чёрная тоска и горячая детская обида на весь этот жестокий окружающий мир, оставивший совсем маленького мальчика один на один со всеми его страхами, обидами и трудностями, без защиты самого близкого и дорогого человека на свете.

Образ матери потихоньку тускнеет и заслоняется в сознании новыми образами. Вот противный учитель – француз Мишель шипит на непоседливого мальчишку, которому ну никак не даются эти проклятые языки.

Проказы с дворовыми мальчишками из усадьбы и деревеньки, порки лозой и гнев сурового батюшки:

– Лучше до смерти тебя засеку, неслуха, чем ты потом будешь нашу фамилию позорить!

Довольный вид Павла. Он и сам никогда не упускал случая дать подзатыльник своему младшему брату, да и жена его – как раз ему под стать, та ещё мегера – Ольга.

А вот дядька Матвей – мой воспитатель и единственный человек, кому я был по-настоящему небезразличен в этом мире. Он пожилой отставной солдат, без рода и без семьи, возится со мной как со своим родным сыном, мается мной, сердешный. Где бы я ни был: в драке ли с дворовыми крестьянскими мальчишками, в ночном ли на выпасе коней, на ловле ли рыбы бреднем в местной речке Малиновке – везде он ходит за мной по пятам словно тень. Его весёлые и добрые глаза, спокойный и уверенный голос, крепкие, всегда готовые к помощи руки постоянно присутствуют во всех моих видениях.

– Ляксе́й Петро́вич, вам рану лучше подорожником приложить, вот так вот, как я. Плюнул, чуток размял его пальцами, чтобы из листа немного соку вышло, и прижал потом к болячке посильнее, глядишь, а юшка-то и перестанет тогда течь. Подорожник – это первое дело при таких вот царапинах. А если при больших ранах в бою, то лучше бы, чтобы перетянуть руку или ногу повыше, а не то ведь и помереть недолго, коли юшки слишком много из того телесного пробою выбежит. Помню, вот при Кунерсдорфе, значит, дело было, когда пруссаки уже думали, что нас разбили совсем, а фельдмаршал-то Пётр Семёнович Салтыков как скомандовал нам тогда эдак грозно: «Всем русским – в штыки! Вперёд, братцы, за матушку императрицу Елизавету Петровну!». Ну мы и дали тогда там этой немчуре! Однако сколько побитых-то тогда было, а ранетых-то сколько, э-э-эх! Мне вот самому там штыком Фридриховый гренадёр это плечо пробил, я уж думал, всё, отвоевался теперяча совсем. Однако же выкарабкался как-то вот. Но юшки, конечно, много тогда потерял, занедужил потом и ослаб сильно. Это уже после того меня в команду особых стрелков определили, как раз под начало вашего батюшки. Я ведь сам сын лесника как-никак, стрелял метко и проворен был по молодости весьма. Ну а потом уже, когда его сиятельство граф Панин нас в батальоны свёл, мы, стало быть, и стали называться егерями. Нам и одежу особливую, и фузеи укороченные выдали, всё

для особого прицельного боя стрелками. А папенька ваш уже тогда с тем прусским штуцером никогда не расставался, он его у херманского охфицерского егеря отбил, так что неспроста он вам не даёт его просто так пострелять. Потому как дорог он для него и памятен очень...

И на такие рассказы дядька Матвей был весьма богат. Можно было часами слушать его байки о грозных баталиях и о военных походах, представляя себя на его месте или же вообще на месте самого батюшки.

Но особенно хорошо было с дядькой на охоте. Это увлечение всецело захватило их обоих, а после того, как на двенадцатилетие батюшка подарил ему потёртую и старенькую кремнёвку, яркие образы в сознании бежали от картинки к картинке всё быстрее. Осенняя гусиная охота на болотах, первый добытый им самостоятельно заяц-русак, выскочивший из небольшого перелеска в поле. Сбитый в бору с ветки красавец тетерев-косач. Утреннее, на самой зорьке, глухариное токовище и клёкот красавцев косачей. Струющийся из ружейного ствола дымок и этот особенный запах сгоревшего пороха. Костёр у шалаша и запечённая в малиновых углях только недавно добытая на болоте утка. А вот и последнее видение: они с дядькой Матвеем бегут под ливнем по полю, а сверху страшно грохочет гром. Нужно поскорее укрыться под вот этими большими берёзами на островке. Затем – страшный грохот, яркая вспышка, удар, жар и боль, а потом – всё... полная темнота и тишина.

«Что же со мной случилось, где я и кто я вообще? Офицер войск специального назначения Российской федерации XXI века или всё же мальчишка-подросток из далёкого XVIII века?» Все образы переплетались в сознании в каком-то непонятном, хаотичном порядке. Он вслушался в себя, стараясь хоть как-то почувствовать своё тело. Вот в мозг ударила боль от обретавшего чувствительность тела. Колело ноги и руки, зудела тянущей болью поясница, а веки были словно налитые свинцом. Алексей напрягся и очень-очень медленно приоткрыл глаза.

Сумрачная комната, в которой он лежал, слабо освещалась из того небольшого и мутноватого оконца, что было на противоположной от кровати стене. Свет, исходящий от него, был какой-то сероватый. Похоже, что уже наступало утро, и сейчас за окном ещё только светает. Справа раздавалось негромкое похрапывание. Алексей скосил глаза и увидел спящую сидя на стуле дворовую бабу Прасковью, что была в господских прислугах и исполняла все дела по дому, от уборки и стирки до помощи в готовке на кухне, и вообще делала всё то, что только от неё требовалось.

Перед Прасковьей стоял небольшой столик с потухшим огарком свечи в бронзовом подсвечнике, а рядом с ним был медный чайник-поильник с длинным и изгибистым носиком. Алексей почувствовал сильнейшее чувство жажды и невольно облизал языком свои пересохшие губы.

– Пить... Пить... – ещё раз тихо прошептал он.

Баба перестала храпеть и приоткрыла глаза.

– Ой, батюшки святы! Ляксей Петрович в себя пришёл! – заголосила она заполошно и резко вскочила со своего стула.

Раздался близкий шум в коридоре, и в светёлку влетел дядька Матвей, а за ним подбежали ещё дворовые. Затем раздался громкий топот, и в комнату ворвался сам хозяин Егоровского поместья батюшка Пётр Григорьевич. Все вокруг разом расступились, и он, низко наклонившись, начал оглаживать дрожащими пальцами рук лоб и щёки сына.

– Живой, живой, очнулся мой мальчик!

Алексей попытался было приподняться, но у него из этого ничего не вышло – слишком ещё слабым было его тело. В сознании всё поплыло, и он вновь провалился в забытье.

– Говорил же я вам, любезный мой Пётр Григорьевич, более всего нашему больному сейчас нужен покой и полная тишина. Он только три дня как перенёс такой страшный удар

небесным электричеством в виде молнии и начал было приходить в себя, а тут вы его со всей своей дворнёй давай же на радостях-то волновать. Эдак неокрепшая психика мальчика вообще ведь может сломаться, и тогда я уже ничего не смогу вам гарантировать. Покой, покой и ещё раз покой, батенька! Пусть даже сиделки на цыпочках рядом с ним ходят и только в соседних комнатах потом шёпотом говорят.

– Хорошо, хорошо, Иннокентий Данилович, виноваты, что уж мне тут оправдываться, – развёл руками хозяин поместья перед уездным врачом. – Да уж больно обрадовались мы ведь здесь все, как только увидели, что наш Лёшенька в себя пришёл. Не изволите ли в кабинете чаю отпить, а перед ним ещё и пару рюмочек настойки отведать? У моей ключницы клюковка цельный год в холодном погребе настаивалась. Таких настоек в нашем Козельском уезде вы уже нигде не откушаете более, уверяю вас, Иннокентий Данилович. Чай, уж не грех ведь, по такому-то случаю? Значит, говорите, сейчас уже должен на поправку сынок мой пойти? – и мужчины неспешно удалились в хозяйский кабинет.

Алексей лежал с закрытыми глазами и его мучили думы. Кто же он такой на самом-то деле. Только недавно ещё он был Лёшкой, младшим сыном местного помещика Егорова, отставного офицера, проживающего со всей семьёй из двух сыновей и дочки в Козельском уезде, верстах эдак в двадцати от самого городка. Всю эту жизнь дворянского сына он помнил весьма отчётливо и ясно. Это была его жизнь, и это было его родное тело. Но тут же, рядом стояла и жизнь совсем другого человека из такого далёкого XXI века, с его судьбой, чувствами и со всеми теми знаниями и навыками, каких вообще, даже в помине не могло быть у дворянского недоросля. Одновременно со всем этим обе эти такие разные судьбы и личности сейчас в этом вот, лежащем на постели мальчишке каким-то весьма странным образом совмещались воедино, в одно целое. Они сливались в нём и как бы дополняли друг друга. И не было у него тут разделения на того или на другого человека. Оба этих сознания совершенно разных людей сейчас просто совершенно растворились друг в друге, рождая при этом нового человека, родившегося одновременно в XVIII и в XX веке. И со всем этим ему нужно было теперь как-то жить.

Алексей открыл глаза и поймал на себе напряжённый взгляд дядьки Матвея.

– Пить, – прошептал он. И воспитатель торопливо вставил в губы носик поильника.

– Пейте, пейте, Ляксе́й Петрович. Всё прямо так, как и сказал нам учёный дохтор. Что придёте вы в себя совсем скоро, а там уже дальше и в крепком сознании с Божьей-то помощью будете. Пейте водицу и ничего не говорите сейчас только. Иннокентий Данилович строго-настрого приказали вам не волноваться и всем нам вас ни в коем разе не волновать. А батюшка так и вовсе за нераденье кнута дворне пообещал. А вам самому надобно лишь пока спать побольше, да и силов набираться.

Алексей жадно отпил из носика живительной влаги и без сил откинулся на подушки.

Время в светёлке бежало очень медленно, из всех новостей, пересказываемых ему словоохотливыми сиделками, были лишь о том, что у соседки Акулины куры вдруг крупными яйцами начали нестись, такими, что аж не в пример больше, чем у всех остальных будут в поместье, а ещё и в крапинку такую рыжую. Никак она какой особый заговор для того знает? Не зря же и её родный батюшка Мефодий Селантьевич кузнецом у нас в деревне был отменным. Кузнецы-то, они ведь такие! Они ведь особливую связь с потусторонними силами имеют! Вот и передал он небось своей любимой доченьке малую толику того своего умения. У него у самого-то вона как получалось ранее удачно зубы всем рвать. Со всех окрестных селений страдалцы сюда обращались. А всё почему? А всё потому, что опять же он заговор на то тайный знал.

– В соседней Татьяновке у помещика Горюнова Ваську Рыжего до полусмерти, рассказывают, чуть было кнутом не запороли. А всё почему? А потому как дерзкий и нерасторопный

вдруг этот холоп стал. Видать, не отошёл ещё молодой мужик от горя, с тех пор как его Февронья при родах померла. А кучер Кузьма, тот, что энто барское наказание самолично исполнял, потом по большому секрету конюху поведал, что этого Ваську теперяча в солдатчину отдадут при каком новом рекрутском наборе.

– В нашей Егорьевке и в самом поместье всё чинно и спокойно, Ляксе́й Петрович, только вот Савва с Никитой разодрались былочи в кровь. Что уж у них там произошло, бестолковых – все теперь только думают да гадают, и кажется теперь всему обществу, что, видать по всему, здесь, в этой ссоре виноват Никитка. Он ведь ещё с парней на Ефросинью-то заглядывался. Да ведь она по батюшкиному велению за Савву-то замуж вышла. А Никите-то вот всё сухота да печаль, как видно, по ней сердце гложет, до сих пор ведь он её, с парней всё позабыть не может.

Из более «информативного» было только общение с батюшкой и с уездным доктором Иннокентием Даниловичем, навещавшим больного еженедельно. Послушав дыхание пациента и внимательно всё осмотрев и ощупав, врач, как правило, уделял какое-то время и на разговоры, не связанные с лечением. Оно, в общем-то, продвигалось весьма успешно, и состояние Алёши теперь уже не вызвало никакого беспокойства. Почему было бы не поговорить доктору с таким любознательным и умным пареньком, имевшим свой, не по годам зрелый взгляд на многие окружающие его вещи и события.

– Бригадир Суворов наголову разгромил под Ореховом в Польше конфедератов, и теперь генералу Апраксину осталось только разогнать всю эту спесивую шляхту по своим местечкам, а кого-то и вовсе в Сибирь переселить, и можно уже будет выводить войска из Речи Посполитой для войны с Турецкой Портой. Теперь-то поляки уже навеки успокоятся и будут себя вести, как и подобает верноподданным Российской империи. А на Днестре князь Александр Михайлович Голицын вот-вот возьмёт эту сильнейшую крепость Хотин, и турком тогда уже точно не поздоровится, хотя, конечно, надо признаться, что уж больно долго он под ней стоит. Ну да, Бог даст, полгода, от силы ещё год пройдет, и война эта должна уже закончиться. Пора бы и нам в долгом мире пожить, только ведь недавно мы закончили ту тяжёлую войну с Пруссией, а тут и ещё вона какая напасть из османов нашлась.

– Война будет долгой. Просто так турки не уступят нам свои владения, – возражал доктору Алексей. – Для них потеря северных территорий и выход России на Чёрное море, небось, в самых кошмарных снах снятся. А западные страны, желающие сдержать наше усиление, к тому все силы приложат, лишь бы всемерно поддержать турок. С Польшей тоже всё непросто будет. Эта страна и её народ – совершенно западного взгляда, и никак они не видят себя в составе нашей империи. Ох, и намучаемся мы ещё с ними, Иннокентий Данилович. Жили бы они, как хотят, в своём склочном мирке, резались бы друг с другом на саблях после скандальных сеймов. Королей вон всяких польских возводили бы да свергали по очереди и огребали бы горячих постоянно то от Австрии, то от Пруссии соседней, ну или от нас, чтобы лишнего на восток не лезли. Все те средства, силы и кровь, что мы в них вбухаем, ничего ведь нам не дадут всё равно, и народ польский того никогда не оценит.

– Вы, Алёша, конечно, необычно умный для своих лет мальчик, – с улыбкой отвечал ему врач, – и мне с вами весьма интересно вести такие вот беседы, однако вы совсем ничего не понимаете, в силу своего возраста, в такой сложной науке, как политика. А это ведь самая главная из наук нашего мироустройства будет. И в вопросе с конфедератами, и с османами нас всецело поддержат цивилизованные западные страны. Кому же нужны бунтари в самом центре Европы, когда и в своих-то странах ещё угольки инакомыслия не затушены. А уж вот этот восточный деспот Турция так и вовсе давно уже у всех поперёк горла стоит. Всего-то ещё какой-то лишь один век назад не ее ли армии под стенами самой Вены стояли да угрожали её приступом взять. И до сих пор ведь та Османская Порта множество народов у себя угнетает, кои хотели бы по цивилизованным западным законам жить и своё справедливое управление иметь.

В общем, было о чём поговорить Алексею с врачом.

Батюшка Пётр Григорьевич, уже старый, отставной по инвалидности Елизаветинский офицер, занимал больше Лёшеньку рассказами о своей военной службе. Давно заметив у мальчика интерес к военному делу и способности к службе, он, как мог, прививал своему младшему отпрыску такие нужные качества характера, как стойкость, храбрость, ответственность и решительность. С дисциплиной, конечно, у него всё было пока непросто.

– Ну да молодо-зелено, повзрослеет, Бог даст, а как только ответственность за людей появится, так и к порядку тогда наш Лёшка приучится, – повторял он в ответ на частые жалобы своего старшего сына и снохи.

Алексей был младшим сыном в мелкопоместной дворянской семье отставного офицера. И так как всё имение, состоявшее из господского поместья с небольшой деревенькой в три десятка крестьянских дворов, по всем правилам переходило в наследование к старшему Павлу, то младшему сыну только и оставалось теперь тянуть государеву службу. С младенчества, по уже устоявшейся в России традиции, он был приписан к Измайловскому гвардейскому полку и считался теперь в отпуске – «за науками». К семнадцати годам, как и предполагал родитель, Алёшенька должен был по выслуге получить своё первое обер-офицерское звание прапорщика, и ему тогда вполне было можно начинать уже службу в войсках. Сейчас же по воинскому реестру военной коллегии у него было унтер-офицерское звание старшего сержанта.

– Поправишься, крепко на ноги встанешь, я тебе в обучение точной стрельбе свой штуцер дам, – нахмутив брови, торжественно изрёк Пётр Григорьевич. – И боевого припаса, сколько тебе только нужно будет, тоже возмёшь. Будете вон с Матвеем в ближнем овраге по цели бить. Он-то сам стрелок отменный, я уж его в деле не раз видел. Правда, он, конечно, больше к бою из гладкоствольной фузеи привык, ну да ничего, разберетесь, поди, с ним, чай ты уж и сам не сопля зелёная. Ты, главное, Лёшка, за оружием следи – как за своей зеницей ока! Не дай бог, я нагар в стволе найду, в кремне или замке какой непорядок обнаружу – никогда более ты такого оружия от меня не получишь, будешь вон за зайцами с Матвейкой по полям с его гладкой фузейкой бегать!.. Да заходи уже, Анька! Уже сколько в дверях стоишь, сопишь да всё мнёшься там. Проходи к своему любимому братцу, а я вон работу дворни проверить пойду, совсем они уже от рук у нас отбились, лоботрясы! – и, тяжело поднявшись, батюшка, опираясь на свою трость, вышел из комнаты.

Аннушка – это был, конечно, лучик света в Лёшкином мире. Старше его на два года, сестра была ему самым близким человеком, наравне с дядькой Матвеем. Рано оставшись без матери, младшие дети Егоровых были очень дружны между собой. И зачастую только ей мог рассказать мальчик про свои самые сокровенные тайны и мечтания.

Глава 4. Прусский штуцер

К концу сентября Алексей смог довольно уверенно вставать с кровати, и даже втихаря, когда рядом не было никого из сиделок, он выходил за пределы своей комнаты-палаты. Был Лёшка ещё пока весьма слабым и, пробуя отжиматься от пола, падал в изнеможении уже после второго или третьего подъёма. Но у обоих Алексеев упрямства было не занимать, и он продолжал, прикусив губы от натуги, нагружать и далее свои ослабшие за долгое лежание мышцы.

– Значит, прав был Пашка, когда говорил, что ты как был, так и остался неслухом! Ведь наказывали же тебе, чтобы даже не думал с этой своей постели подниматься! Всего лишь месяц с того дня, как тебя бездыханного Матвей принёс, прошёл, а ты уже вон по полу как лягуха болотная скачешь! Или к тебе снова караул приставлять из дворни? Отвечай мне сейчас же, негодник! – на пороге спальни стоял сам, грозный во всём своём праведном гневе, батюшка.

«И как только подкрасться-то сумел, это с его-то больной ногой и тростью, вот уж истинно старый Елизаветинский егерь!» – с досадой подумал Алексей и, с трудом облокотясь о кровать, поднялся с полу.

– Сержант гвардии Егоров, занимаюсь гимнастическими упражнениями, дабы рукам своим силу былую вернуть! Ибо ещё при царе-батюшке Петре Алексеевиче, в его потешном войске уже тому зело превеликое внимание уделялось. Если же не подготовлю я своё тело к дальнейшей службе, то, значит, так и буду до самых зимних святок всё на кровати валяться. Только в преодолении тягот телесных и душевных вижу свой путь к полному моему восстановлению, господин секунд-майор! – ответил юноша.

– О как, – крикнул озадаченно Пётр Григорьевич, сам не замечая за собой, как выпрямился и встал в такую привычную строевую стойку. – Так нужно гимнастикой чётче заниматься тогда, что ты тут по полу-то всё ползаешь. Никогда я ранее такого упражнения в наставлениях не читал и не слышал даже или же ты сам тут это всё придумал, шельмец?! – и он подозрительно уставился на сына.

– Никак нет, господин секунд-майор, сие упражнение ещё со времён античного Рима и с эллинских времён известно, а на русский лад так оно «отжиманием» прозывается. Помимо него и других есть превеликое множество, только вот не всякое мне под силу ещё пока будет.

– Хм. Ну ладно, коли так, тогда продолжай, только без дури и озорства чтобы всё было! – буркнул батюшка. И, уже выходя из комнаты, пробормотал: – И где только всего этого набрался пострел, гимнастики, эллины ещё эти. Говорил же я, что занятия с этим французом не доведут Лёшку до добра. От этих лягушатников если только одного вредного вольнодумства можно набраться.

К Покрову Алёшка получил разрешение выходить из дома, и с каждым днём его пешие прогулки всё более и более увеличивались.

– Ну что сказать, Пётр Григорьевич, надо признаться, что никак я не ожидал столь скорого выздоровления от вашего отпрыска. По всем моим самым скромным прогнозам и расчётам ему ещё с месяц нужно было бы в кровати лежать, а он вон, пока мы тут с вами чай пьём, второй круг уже вокруг сада пробегает. Чудно сие и необычно весьма, – глубокомысленно изрекал уездный врач.

– И не говорите, Иннокентий Данилович, – соглашался батюшка. – Совсем после того случая стал не похож на себя мой Лёшка. Вроде бы и тот же он, а как будто бы какой-то чужой человек иной раз из него на меня смотрит. У него вон даже взгляд изменился, цепче стал, что ли, увереннее. Вообще ведь меня больше не боится шельмец. Нет у него перед родителем того, прежнего детского страха и раболепия, что был. Так он ещё и шутковать как на равных со мной даже иной раз пытается. Да и походка у него какая-то другая стала. Я ведь, как старый охотник и егерский стрелок, такое-то всегда замечаю. Все движения у него стали чёткие, и прежнего

лишнего вихляйства теперяча в них нет. Так идёт по усадьбе, как будто не гуляет просто, а словно на охоту в лес вышел. И к ножам вон страсть заимел, отковал какие-то необычные у дворового кузнеца и метает их вон за сараем в стену. Ещё и топоры с серпами швыряет, да ладно так – я и сам так, как он, не смогу.

– Ну насчёт того, что у парня движения изменились, так это всё объяснимо, – глубоко-мысленно изрёк врач. – После такого удара, какой он перенёс, его мозг и похоже что весь организм вообще по-другому переделался и заново затем все свои внутренние и внешние деяния запустил. Он словно бы отбросил всю шелуху и всё то лишнее, что ему мешало. То же самое и по мыслительному делу, его мозга касается, думаю, что только этим и можно объяснить все вот эти необычные странности. Но современная врачебная наука пока ещё слишком слаба, чтобы всё это вот охватить и понять. Так что нам остаётся только принять всё это так, как оно есть, и жить с этим дальше. Мальчик перенёс такой страшный удар молнии, от которого вообще редко кто когда выживает. Чудеса ведь, да и только! Так что будем благодарить Господа Бога за Его милость к вашей семье, Пётр Григорьевич!

– Соглашусь с вами, Иннокентий Данилович, – кивнул хозяин поместья. – Откушайте вот этого вот земляничного варенья, здесь лишь одни отборные ягодки одна к другой собраны. Что нового в Козельске слышно про войну в Польше и про наше стояние на Днестре? – и мужчины сменили тему беседы.

– Держи, Алексей, как и обещал ранее, передаю тебе в пользование свой штуцер, – торжественно провозгласил батюшка, протягивая парню вершину стрелкового дела XVIII века. – Тебе с него уже приходилось пару раз стрелять, теперь же вот осваивай сие оружие уже как следует. Только повторяю я ещё раз: беречь его как зеницу ока! А ты, Матвей, приглядывай за всем как следует, чтобы опять чего ненароком бы не случилось, как в тот раз!

– Слушаюсь приглядывать, ваше высокоблагородие, – отозвался воспитатель и виновато потупил глаза в землю.

В руках у Алексея был европейский штуцер, произведённый, как видно, где-то в Австрии, Пруссии или же ещё в каких-то других Германских землях, о чём говорило глубокое клеймо сверху ствола с изображением совы и с готическими надписями по бокам. Массивный стальной ствол, восьмигранный в сечении, имел очень глубокие нарезки, и если судить по метрической системе из XXI века, то калибр оружия составлял на глаз где-то около 15 или даже чуть больше миллиметров.

Сверху дульной части ствола штуцера к нему была припаяна мушка. Ближе к казённой части был установлен прицел с двумя штиками с прорезями, задний из которых был постоянным, а передний, соответственно, был перекидной.

В казённой части ствола затравочное отверстие размещалось напротив полки замка, и именно через него пламя передавалось к пороховому заряду, размещённому внутри ствола. Сам замок, насколько только понимал Алексей, был вариацией оружейных кремниевых систем общепринятого в этом времени французского батарейного замка с полкой, огнивом, курком и всеми прочими его атрибутами.

Ложе оружия было из полированного, покрытого лаком тёмного ореха. Внизу под стволом была глубокая канавка с отверстием для размещения шомпола, и стояли простые, но прочные скобы – крепежи под провололочные антабки для фиксации ремней любого типа.

Штуцер был очень удобным оружием, с прекрасным балансом. Его было приятно даже просто держать в руках, и это несмотря на его довольно большой вес в более чем четыре килограмма при относительно невеликой общей длине – чуть более трёх футов, что в метрической системе составляло около метра с небольшим. Всё это получалось за счёт тяжёлого и массивного ствола, но по-другому, как видно, при нынешних технологиях производства попросту и быть не могло.

– Ну что, Матвей Никитич, пошли пристреливать нашего красавца? – весело подмигнул воспитателю Алёшка и ласково погладил ложе штуцера.

В недалёком от усадьбы овраге ими было устроено стрельбище. Длина его прямого участка составляла здесь около двухсот шагов (160–170 метров), не ахти, конечно, какое расстояние, но для набития начальных навыков стрельбы этого пока должно было хватить. Потом можно было уходить подальше, вёрст на пять в сторону, и бить в направлении одного отвесного холма с ближайшего к нему поля. До начала весенних полевых работ мешать в этой части поместья было некому, так что никаких трудностей с этим не предвиделось.

– Давайте, Ляксей Петрович, начинайте, – торжественно провозгласил воспитатель, глядя с улыбкой на счастливое лицо парня. – Кремнёвку свою вы не хуже меня уже заряжаете. И этот штуцер тоже не раз уже ранее снаряжали, ну а руки, чай, всё помнят. Осталось только саму сноровку набить, а для хорошего стрелка сноровка – это очень важное дело будет!

Алексей, конечно, смутно помнил всё, что было нужно делать, но одно дело – это умом помнить, а другое – всё довести до полного автоматизма. Этот начальный навык, судя по всему, ему теперь придётся закреплять и доводить уже до совершенства.

Достаём из патронной сумки бумажный патрон. Зубами откусываем его кончик и насыпаем небольшое количество пороха в специальную нишу на полке, после чего закрываем полку крышкой. «Так, всё правильно», – Алексей немного помедлил и вспомнил памятью подростка из этого века все свои дальнейшие действия. Курок устанавливаем на полувзвод до вот такого характерного щелчка. Потом засыпаем весь оставшийся в патроне порох в ствол через дульный срез и уже после этого начинаем самую трудоёмкую и долговременную часть нашей зарядки – проталкивание пули внутрь ствола.

Наша штуцерная пуля отличалась от круглой фузейной и имела своеобразный цилиндрический вид, с закруглением с одной стороны. Для нормальной «закрутки винтом» при выстреле эти пули должны были плотно сидеть в ствольных нарезах, при этом пороховые газы не должны были прорываться вперёд пули по стволу. Чтобы решить эту проблему, был лишь один долгий и весьма мучительный путь. Алексей достал из патронной сумки рулончик пластыря из мягкой кожи, оторвал от него кусочек, завернул в него пулю и, достав из-за пояса деревянный молоточек, парой ударов осадил её в ствол. После чего вынул из гнезда шомпол и продолжил вбивать им по стволу пулю до самого заряда. Теперь оставалось только взвести курок на боевой взвод, прицелиться и нажать пальцем на спусковую скобу.

Отдача плотно прижатого к плечу приклада ударила с непривычки очень сильно! Сказался тут, наверное, высокий калибр – как-никак это всё-таки 15 миллиметров, с весом пули более четырёх золотников, ну или где-то около 17–18 грамм. И нужно было ещё учитывать лёгонький вес самого юного стрелка. Да и вообще всё это было очень непривычно как для дворянского недоросля Алёшки, так и для старшего лейтенанта Егорова, с его опытом обращения со стрелковым оружием. Тяжёлый спуск крючка, сильный удар приклада, резкий запах сгоревшего пороха, оглушающий грохот и плотное облако дыма, вырвавшегося столбом из ствола и окутавшего всё вокруг. Всё это было как-то необычно! Тем не менее выстрел был произведён, и стрелок с наставником направились к мишени.

– Неплохо, неплохо, – покачал головой дядька, показывая сквозную дырину в набитом соломой мешке. – Это, конечно, только сто шагов, но для начала и это будет неплохо. Прибавим-ка мы ещё с полсотни да поглядим, что там дальше будет. Тут ведь вот какое дело, Ляксей Петрович, вы должны штуцер всем своим нутром, всем сердцем своим прочувствовать сполна. Ладно на прямом бое до трёхсот шагов штуцерная пуля особенно-то по сторонам не рыскает и всё время верно, как по прямой линии идёт. А вот ежели это уже будет цель дальняя, шагах эдак в пятистах или даже более того, да коль она вообще вон движется и совсем даже на месте не стоит? Вот тут уже целая премудрость будет, как в такую-то цель издали попасть. Ведь нужно сколько в уме держать всего-то? И силу ветра учитывать, и даже куды он дует, и как та цель,

которую ты выбрал, скачет, а ещё, что самое сложное, так это то, что линия боя у той пули кривиться начинает уже после пятисот шагов, и потом её к земле уже очень хорошенько так тянет. Вот и выгадываешь ты всё, чтобы только точно, куда надо попасть. Поэтому и считается, что хороший штуцерник в войсках – это очень и даже очень ценный воин. Ниже капрала их вообще никому ещё в руки не давали, а так, в основном или старшие унтера или даже вовсе их благородия сим дорогим оружием владели. Думаю, что и сейчас ничего не изменилось в войсках. Ну что, зарядили уже? – и он кивнул на молоток, который после манипуляций с вгоняемой шомполом пульей стрелок засовывал обратно себе за пояс.

– Зарядился, дядька, но это же мука какая! Ведь я минуты три потратил, только пока пулю в ствол забил, а если вообще все действия вместе сложить, так это же все четыре минуты с лишним для полной зарядки будут, – недовольно покачал головой Лёшка.

– Ну что же поделаться, штуцер, конечно, капризная штука, – пожал плечами Матвей. – Время долгой зарядки – это и есть основная плата за его точный выстрел. Зато хороший стрелок с трёхсот, четырёхсот шагов уверенно одиночную цель сразит. А из пехотной фузеи ты и после ста уже будешь наугад бабахать да только впустую казённый порох жечь. Не зря же в полках после двухсот шагов только залпом приказано стрелять, ибо только так хоть кто-нибудь из строя, глядишь, и попадет, куда начальству надо. Ну что, готовы уже бить со ста пятидесяти шагов? Тогда цельтесь верней, и по готовности – огонь!

Выстрелы со ста пятидесяти и двухсот шагов положили пулю недалеко от первой. Ничего не скажешь, кучность боя у этого оружия была отменная. И так как двести шагов были предельной прямой дистанцией стрельбы в этом овраге, то наставник решил, что тренироваться пару недель они будут пока что здесь, с этого вот самого места, ну а потом уже можно будет переходить и к дальнему холму и продолжать занятия там.

Если стрельба Алексея радовала, то вот зарядка оружия требовала от него всё больше и больше времени, мук и хлопот. Первое, второе, третье зарядание штуцера проходили сравнительно легко, а вот последующие уже требовали серьёзной прочистки ствола. Твёрдые остатки нагара чёрного дымного пороха не позволяли просто так вот вбить пулю в ствол уже после нескольких выстрелов. Скорее всего, именно по причине трудности зарядания штуцеры и имели столь короткие стволы, глубокие нарезы и своеобразную форму. И теперь приходилось чистить с помощью шомпола и ветоши как сам штуцерный ствол, так и его оружейный замок, уделяя особое внимание там затравочному отверстию.

– Забудете хорошо прочистить его, и подведёт оно вас в самый ответственный момент, Ляксей Петрович. Вроде и искра будет добрая от кремня, и на полке порох хорошо вспыхнет, а к заряду-то в стволе ему же не будет пути из-за большого нагара. Так что три или четыре выстрела сделал, и потом непременно проверяй замок. Всё ли там в порядке с кремнем погляди, хорошо ли он зажат между губок курка, чтобы потом бить по огниву, часом, не стёрт ли сам, али и вовсе не разболтался ли на курке. И про погоду ещё не забывайте. При дожде или в большой сырости порох очень быстро отсыревает на полке замка, чуть-чуть только попала туда водица – и пиши пропало, выстрела уж точно не будет.

В общем, очень это было мудрёное дело, стрельба из стрелкового оружия в XVIII веке. Но сделать с этим сейчас Алексей, разумеется, ничего не мог. Оставалось, только принять всё, как оно есть, и изучить всё здесь до самого совершенства. Так что все сорок патронов из патронной сумки батюшки он расстрелял в первый же день занятий. Дальше аппетиты пришлось сокращать, и в день ему выдавалось их уже не более двух десятков.

– Экономия, сударь, извольте и о семье ещё думать! Вы вот за эти две недели весь наш месячный доход от всех деревенских холопов спалили, – с желчной миной выговаривал младшему брату Павел. – Мы тут на породистого рысака с папенькой копили для будущего племени, а ему, видишь ли, всё бы игрушки с пострелялками! Одно нам разорение от тебя, Лёшка!

Отношения между братьями всё более и более разлаживались. Для Павла, уже видящего себя во главе поместья, его младший брат был нахлебником и обузой, требующей всё больше на себя затрат и внимания. Тут уже было самое время Аньку спихивать замуж, а ещё ведь нужно было и этого неслуха около двух лет рядом терпеть.

Видно, жалобы старшего сына на чрезмерные траты пороха, свинца и особой пасты для чистки ствола всё-таки сделали в итоге своё дело и заставили Петра Григорьевича объявить генеральную инспекцию, дабы проверить, был ли вообще толк от всех этих трат и научился ли младшенький за это время хоть чему-нибудь.

Глава 5. Состязания в штуцерной стрельбе

Дело было как раз перед самым Рождеством. Морозец бодрил и пощипывал щёки, и пять вёрст пути до того нужного холма, где весь последний месяц проводили всё своё время младший сын с дядькой, трое саней пролетели быстрой рысью буквально за двадцать минут. Из головных вышел сам хозяин поместья со своим главным гостем – уездным предводителем дворянства Аристархом Михайловичем Требуховым. Из двух других подошли Иван Никитич Коньков, уездный судья, и небезызвестный уже всем доктор Иннокентий Данилович Марьин. Все гости были одеты в долгополые шубы и в большие лохматые шапки.

– Однако, морозец-то хорошо забирает, а, Пётр Григорьевич?! В такой бы холод у жаркого камина портвейн гишпанский потягивать, а не по лесам козельским скакать! – со смехом пробасил уездный предводитель, похлопывая себя по бокам. – Надеюсь, не зря нас сюда наш беспокойный эскулап выдернул? Ему-то эти места привычные, чай, уже полгода почти что сюда вон накатывает, а потом ещё нам в городе местную клюковку с Егорьевского нахваливает.

– Сейчас, сейчас, гостюшки дорогие, согреемся уже скоро! – суетился перед высокими гостями батюшка.

Нечасто можно было вот так просто принять у себя местное уездное начальство, и следовало бы сделать всё, чтобы произвести на него самое благоприятное впечатление. Поэтому уже через полчаса, стараниями прибывших с хозяином дворовых, подгоняемых Павлом, на полянке у холма горели треугольником жаркие костры, над углями на вертеле запекался барашек, а на походном столике пыхтел большой Суксунский самовар – новое чудо чайного дела России.

– Надо себе тоже эдакую затею прикупить, – прихлёбывая горячий напиток, причмокнул господин Коньков. – Вот так вот побаловать себя на морозе, да ежели после охоты с борзыми, эх, как ведь хорошо-то тогда будет! За сколько же и где приобрёл ты сию забавную затею, Пётр Григорьевич?

– Дэк в Калуге о прошлом годе по случаю я был проездом, Иван Никитыч, – рассказывал хозяин. – Вот как раз там-то, на местной ярмарке, и заприметил сию чудную диковинку. Заводчики Демидовы ещё при царе-батюшке Петре Ляксеече на Урале хорошо эдак развернулись, ну а при нынешней-то матушке-императрице, да хранит её Господь, и вовсе всё у них там пошло удачно. Да причём так удачно, что даже до нас вот такие хитрые изделия добрались.

– Да, удивительно сие, – кивал уездный предводитель, – ну что, под это-то дело можно и так расхваливаемой клюковки нам бы отведать, а?

– Сию минуту, господа! – вскинулся батюшка. – Ванька, шельмец! Неси мигом сюда ту, особливую корзину, про которую я тебе наказывал! – и шустрый мужичок из дворни стремглав понёсся к хозяйским саням.

– Это твой младший, Пётр Григорьевич? – кивнул предводитель на паренька, что устанавливал на сколоченные деревянные щиты мишени у самого основания недалёкого поросшего сосенками холма. – Тот самый, про которого наш Иннокентий Данилович рассказывал и который от удара молнии уже через пару недель поднялся, а ещё через месяц и вовсе скакать вокруг поместья стал? – и все присутствующие господа с интересом воззрились на того, о ком сейчас шла речь.

– Совершенно так, – кивнул Пётр Григорьевич. – Как подменили мальчишку после этого. Он и серьёзней стал, и повзрослел как-то сразу. Словно у него на пару-тройку лет разума вдруг прибавилось. Ему ведь только через два года к службе в полку готовиться, а он уже сейчас всё по фортификации, по оружейному делу да по уставам книжицы читает. Всю вон мою библиотеку за эти полгода уже осилил и в соседнем поместье у князей Троекуровых теперяча повадился книги брать. Гимнастикой, какой-то там борьбой с чудным названием, как у элинов,

заялся, бегом, а теперь вот и вовсе стрельбой из моего штуцера увлёкся. Порохового припасу пожёт, страсть просто! Павел вон, мой старшенький, ругается всё, у него ведь каждая полушка на счету. Рачительный хозяин растёт, не в пример младшему Лёшке.

– Ну давайте тогда, чтобы не мёрзнуть, за доброе здоровье! – крикнул Требухов, и мужчины выпили по третьей доброй стопке клюковки. Первые две, как и положено, были выпиты во славу Христа и Богородицы, матушки-императрицы, а тут уже подошёл черёд порадеть и о своём здоровье.

– Пётр Григорьевич, я ведь, зазывая сюда гостей, рассказал им про то, что вы сегодня инспектировать стрелковый навык у своего младшего отпрыска собрались, – обратился к старшему Егорову доктор. – А не поучаствовать ли нам вообще в этой затее, всем тем, кто сюда приехать изволил? Вот и развлечение было бы достойное для такой-то компании. Как-никак все присутствующие умелыми охотниками себя числят, а некоторые так даже и в баталиях себя славой покрыли, – подал предложение раздумавшийся с доброй клюковки Иннокентий Данилович.

– О-о! Весьма и весьма интересно! – откликнулись одновременно Аристарх Михайлович и Иван Никитич. – А там ведь как раз уже и наше жаркое поспеет!

– Лёшка! Бегом сюда! – гаркнул громовым голосом батюшка. И к нему от мишеней бегом поспешил экзаменуемый.

– Господин секунд-майор, старший сержант гвардии Егоров по вашему указанию прибыл!

– Кхм, ну, вольно, не на плацу чай стоишь, – проворчал хозяин и довольно покосился в сторону гостей. – Значит, Лёха, решено, сдавать свой экзамен ты будешь при всей нашей высокой ассамблее. А дабы тебе не было скучно, да и нам с тобой, кстати, тоже, то сии достойные господа изволили составить тебе тоже сегодня компанию. Предлагаю каждому стрелять по пять выстрелов. По одному со ста, затем с двухста, двухста пятидесяти, трёхста, ну и самый дальний выстрел можно будет даже с четырёх сотен шагов сделать.

– И перед началом состязаний каждому из вновь прибывших стрелков нужно будет дать ещё по три выстрела для пристрелки! – вставил своё слово уездный судья. – Это для того, чтобы само оружие почувствовать. И на кон мы по рублику положим – для интереса, – и он первым положил на столик свой большой серебряный рубль с выбитым на нём профилем императрицы.

Пётр Григорьевич вздохнул и положил с ним рядом елизаветинский крестовик.

– Смотри, Лёшка, мне этот рубль после Гросс-Егерсдорфской баталии пожаловали, и я с ним потом через всю войну прошагал. Так что гляди, чтобы он в семье у нас потом остался!

Вскоре рядом с елизаветинским дарственным лежали ещё три серебряных рубля. Раздумавшийся предводитель тряхнул головой, порывлся за отворотом шубы и вытащил пистолет.

– Вот, от меня лично, как от представителя местной уездной власти. Хороший тульский пистоль с ударно-кремневым замком, он как раз сейчас идёт на вооружение наших драгунских полков. Пары ему, увы, нет, ну да при желании, кому надо, тот и сам ему потом эту пару прикупит, всё равно они по одним лекалам сейчас всеми нашими оружейниками делаются.

Мужчины выпили ещё по одной стопочке, так сказать, за удачное начало состязаний, и пошла потеха. Вначале каждый покрутил в руках штуцер, примерил его к плечу, пощёлкал курком на холостом спуске, чуть ли не на зуб то оружие попробовал. Всё говорило о том, что стрелки они были многоопытные и к делу стрельбы относились с особой ответственностью и даже любовью.

Лёшка, глядя на всё это, даже немного оробел поначалу – а ну как опозорится тут перед такой-то вот представительной компанией? Но старлей из будущего уверенно ему тукал в мозг: «Не бойсь, прорвёмся, главное – не спешить и не дёргаться. Ровное дыхание, плавные движения и мягкий спуск, и всё тогда у нас будет нормально».

Пристреляв штуцер своими пристрелочными патронами, стрелки вышли на свой первый огневой рубеж. Перед каждым из них была своя мишень, и по команде хозяина поместья каждый соревнующийся произвёл в неё по одному выстрелу в цель со ста шагов. Результат у всех был примерно одинаковым. Каждый пробил чёрное яблочко, вымазанное чёрной сажей, на белой холстине. Мужчины стреляли даже не скинув свои массивные шубы и особенно даже при этом не выцеливаясь.

Со второго рубежа стреляли уже посерьёзнее, в шубе оставался только предводитель дворянства и сам Лёшка, не скинувший своего полушубка, затянутого поясным ремнём. Целились все тоже подольше, но результат был такой же, как и в первом случае. Все четыре пули стрелков поразили чёрный центральный кружок, только у доктора пробоина была в самом низу, немного вылезая на белёную холстину. Однако все согласились с Петром Григорьевичем, засчитавшим и это попадание, – как-никак, а пробоина-то коснулась чёрного края мишени.

На третьем рубеже шубу скинул уже и сам Аристарх Михайлович, покрутив руками и шумно продышавшись перед выстрелом. На удивление мишень была поражена всей четвёркой, даже пробоина доктора была ближе к центру, чем в предыдущий раз.

На четвёртом огневом рубеже в триста шагов после тщательной чистки оружия четвёрка стрелков уже не спешила. Каждый стрелял так, как ему подсказывал его опыт и разумение. Всех дольше тянул с выстрелом судья, трижды поднимая и наводя ствол и затем снова его опуская. Наконец, прозвучал последний выстрел, и все мужчины, словно дети, рванули наперегонки к своим мишеням.

Стоны разочарования послышались одновременно и от судьи и от доктора. Пули обоих довольно далеко от чёрного яблочка пробili белёную холстину, что была натянута на щиты, и из претендентов на победу теперь оставались лишь только два стрелка. Однако на пятый рубеж допустили всё же всех, ведь по условиям соревнований каждый должен был выпустить свои пять пуль.

Четыреста шагов было приличным расстояние даже и для ХХI века – как-никак это ведь всё те же триста метров, очень немало для пулевой стрельбы. Алексей ласково погладил ложе штуцера, крепко обхватил его цевье и, вжав плотно приклад в плечо, пару раз глубоко вздохнул и выдохнул, затем сделал третий глубокий вдох и замер на месте, не выдыхая. Вот мушка совмещена с целиком, выбираем плавно свободный ход крючка и так же плавно выжимаем спуск. Бабах! Выстрел, окутав всё облаком сгоревшего пороха, заслонил собою мишень. «Как там всё получилось, попал ли?!» – роились в голове мысли.

Результаты удивили всех. Чёрный круг пробила только пуля мальчишки. Рядом с «яблочком», но всё-таки в белой части мишени зияла и пробоина Требухова.

– Ну что же, победа, несомненно, твоя, молодой человек, – сокрушённо пожал плечами Аристарх Михайлович. – Я и сам почувствовал, как при выстреле слишком уж перетянул спуск, видать, от того чуток и «кивнул» ствол. Но ты, конечно, молодец, поздравляю! Как это только во столько-то лет тебе удаётся вот так вот точно стрелять, молодой человек, ну никак не пойму я! Видать, талант у тебя к этому делу есть, талант! – и он поднял указательный палец к небу. А давай-ка, ради интереса, мы с тобой и с пятисот шагов в цель ударим, а? Ты, конечно, уже тут победил, вне всяких сомнений, но теперь уже так это, скажем, для лично интереса постреляем? – и предводитель дворянства озорными глазами взглянул на Лёшку.

– А давайте, Аристарх Михайлович, – улыбнулся мальчишка. И «главный дворянин» уезда пошёл самолично отмерять расстояние от мишени.

– Лёшка! Уступи Михайловичу, не порти ты людям праздник, – совершенно серьёзным тоном наказывал сыну Пётр Григорьевич. – Нам ещё тут жить дальше и дела свои решать, а уж я тебя тогда в патронах ущемлять вовсе не буду!

И вот было отмеряно пять сотен шагов. Учитывая богатырское телосложение предводителя, в метраже это были, пожалуй, все четыре сотни метров. Хорошее расстояние даже для

стрельбы из личной «стрелковки» ХХІ века, а тут у него в руках был старинный штуцер, да и руки эти были вовсе не воина-спецназовца, а всего лишь пятнадцатилетнего подростка. Но Егоров проигрывать никогда не любил, а тем более вот так вот, «на поддавках и уступках».

– А-а-а, будь что будет, ну отберёт потом батюшка штуцер, буду тогда из драгунского пистоля в стрельбе упражняться и посильнее на физику поднажму! – мальчишка упрямо тряхнул головой в такт своим мыслям и пошёл на огневой рубеж.

Тут всё повторилось в точности так же, как и на предыдущих четырехстах шагах. Единственно, что даже при его-то резком зрении мишень сейчас элементарно «плавала» вдали, и поймать такую трудную цель было делом вовсе не лёгким, тем не менее три положенных ему выстрела прозвучали.

– Ну вот и отпали все сомнения, господа, никакой случайности тут просто на просто быть не может. У твоего парня, Пётр Григорьевич, несомненный талант к стрельбе из нарезного оружия, – провозгласил общее мнений учёный доктор. А две пробоины в мишени Аристарха Михайловича против трёх у Алексея всем всё наглядно подтверждали.

– Представьтесь по всей форме, господин Егоров! – сдвинув сурово брови, потребовал у накрытого стола предводитель уездного дворянства.

– Старший сержант гвардии Измайловского полка Егоров Алексей. Нахожусь в отпуске от службы до достижения срока призыва и по обучению наукам.

– Объявляю вам, сержант гвардии Егоров, моё личное благорасположение! Если вы и в прочих военных науках такие успехи, как в стрельбе, имеете, так вам тогда прямая дорога в службу в гвардию, именно там вы высот быстрее всего добьётесь, – поздравлял парня Требухов. – Ну да это уже не мне решать, а вашему папеньке. Пока же на правах старшего в звании из всех здесь присутствующих, как полковник в отставке, объявляю тебя победителем в штуцерной стрельбе и передаю причитающийся приз из четырёх рублей серебром и вот этот вот драгунский пистоль, – и Аристарх Михайлович указал рукой на стопочку серебряных рублей и лежащий рядом с ней пистолет.

Лёшка был на седьмом небе. Выходит, что и здесь он чего-то уже стоил и даже успел за столь малый срок после слияния сознаний добиться. Одно его только смущало в этот сладостный миг – это батюшкин кулак и тот грозный вид, с которым он его втихаря демонстрировал. Да не радовала ещё такая ехидная и презрительная ухмылка старшего братца Пашки, подносящего к вкушающим зажаренного барашка гостям очередную бутылочку крепкого из стоящих недалеко саней. «Ну что же, в каждой славе есть толика горькой зависти и непонимания», – философски подумал Лёшка и пошёл чистить штуцер.

Глава 6. Троекуровы

Знакомство с князьями Троекуровыми у Алёши состоялось ещё в октябре месяце, сразу же после Покрова. Пробегая свою дальнюю дистанцию на самой границе земель батюшкиного поместья, он вдруг услышал лай собак от ближайшего перелеска и из праздного любопытства свернул в ту сторону. На открывшейся его взору полянке мальчишка заметил сидящего на попоне благообразного пожилого мужчину, который, морщась и постанывая, растирал вытянутую ногу. Около него крутились две лохматые породистые борзые, а рядом хрумкала пожухлую от морозца траву гнедая кобылка.

– У вас что-то случилось? Чем я могу быть вам полезен? – Алексей с самым искренним участием смотрел на пострадавшего.

– Кто вы, милейший? Представьтесь, будьте любезны! – мужчина попробовал было сам приподняться, но, зашипев от боли, вновь сел на свою подстилку.

– Я младший сын помещика Егорова, Алексей, – представился мальчишка. – Занимаюсь тут бегом, стараюсь наверстать свою физическую форму после недавней болезни. А с вами-то что тут приключилось? – и он вопросительно уставился на дядьку.

С виду это был весьма не бедный человек и, судя по всему, из благородного сословия, о чём говорила его хорошая одежда, дорогая сбруя, седло на лошади и притороченное с ним рядом ружьё в чёрном кожаном чехле с большой серебряной пряжкой.

– Я ваш сосед, юноша. Владелец поместья Троекуровых – Иван Семёнович. А приключилась со мной неприятность нынче. Лохматка со Звонарём подняли вот в этом вот перелеске лису и на меня же её и выгнали. Всё бы было хорошо, но, как видно, моя Звёздочка ногой в нору попала или ещё в какую-то выбоину угодила и хорошо потом эдак взбрыкнула. А я в это время как раз готовился рыжую плутовку кнутом уже с ног сбить, примерился только да размахнулся как следует – и вот вам печальный результат сего неудачного действия, как раз сейчас перед вашими глазами. Я вот тут сижу весь избитый, а Патрикеевна, как видно, теперь ухмыляется да наблюдает за нами со стороны.

– Хорошо смеётся тот, кто смеётся последний, ваше сиятельство, – усмехнулся, выслушав рассказ князя, Алексей. – Если не будет никаких последствий после падения, то, думаю, что ей тоже будет не до веселья с такими-то активными помощниками, – он кивнул на резвящихся неподалеку собак. – Позвольте осмотреть вашу ногу? – и он присел возле князя.

– А вы разбираетесь в лекарских премудростях, юноша? – с усмешкой спросил его Иван Семёнович и попытался было сам сдёрнуть с ноги сапог, но тут же резко дёрнулся и застонал от боли.

– Тише, тише, ваше сиятельство. Не скажу, что хорошо, однако с нашим уездным эскулапом из Козельска Иннокентием Даниловичем я хорошо знаком, и кое-чему из своих премудростей он уже меня научил, пока сам присматривал за моей болезнью. Да и книги по лекарскому делу он мне давал почитать, – ответил Алексей и взглянул вопросительно на ногу.

– Ну что же, тогда это меняет дело, коли уж даже лекарские книги вам довелось читать, тогда пожалуйста, – кивнул, иронично усмехнувшись, Троекуров. – Только снимайте сапог, пожалуйста, уж не спеша юноша, так, потихоньку-помаленечку.

Перелома у князя не было. Нога у него была опухшей в районе щиколотки, и там же растекался уже багровея синяк. Как видно, при падении с лошади стопу пострадавшего увело в сторону, и его сустав, выскочив из суставной сумки, растянул, если даже не разорвал связки. В любом случае здесь нужен был настоящий врач, чтобы правильно вправить сам вывих. И нужен был лёд, для того чтобы сбить отёк, ну и хорошая фиксация суставов – для последующего заживления травмы. Поэтому следующим, чем занялся Алексей, это была поимка лошади, мучение с посадкой на неё травмированного хозяина и путь до усадьбы Троекуровых.

– Подсаживайтесь сзади, Алексей! Моя Звёздочка нас обоих легко увезёт, – предложил князь юноше.

– Да что вы, ваше сиятельство, вы же сами сказали, что тут всего-то пять вёрст до вашей усадьбы. Для меня-то эта пробежка вовсе даже и не в тягость будет, – Лёшка улыбнулся и ещё прибавил ходу.

Так они вместе и преодолели все эти пять вёрст по подмёрзшей грунтовой дорожке среди покрытых инеем лесов и полей.

Княжья усадьба Троекуровых впечатляла. Была она построена в виде италийского дворца на самом взгорке возле пруда. Двухэтажный каменный дом с большими боковыми флигелями, соединявшимися сквозной колоннадой, был весь снаружи отделан белым мрамором. По сторонам большой парадной мраморной лестницы стояли каменные изваяния эллинских героев, мифических персонажей и древних богинь. Вокруг же усадьбы был разбит огромный парк с аллеями, сходящимися к дворцу, с искусственными рвами, каналами, перекрытыми красивыми мостиками, с островками и фонтанами. Всюду среди аллей стояли беседки, стилизованные домики и многочисленные статуи и скульптуры. Всё видимое пространство вокруг было в зелёных насаждениях из декоративного кустарника и деревьев.

Сам дворец внутри был отделан богатой гипсовой лепкой, а на стенах кабинетов и комнат были наклеены богатые обои самых разных цветов и оттенков. Обставлен он был мебелью из красного дерева с бронзой и позолотой, обитой к тому же ещё бархатом и штофом. Вокруг стен стояли большие столовые часы и картины в массивных золочёных рамах. Размещались они в зависимости от того, для чего предназначались все эти многочисленные помещения, в своих определённых местах и в соответствующих общему порядку залах и комнатах. Натюрморты в основном украшали стены столовых или гостиных. В кабинетах можно было увидеть сцены из охоты или войны. В коридорах и проходных залах было много портретов людей в париках и при парадных мундирах.

Всё это Алексей с совершенно искреннем восхищением рассматривал, пока хозяина всего этого великолепия устраивали на диване в гостиной. За врачом уже послали карету, и около князя сейчас суежилась княгиня с довольно миловидной девицей и их многочисленной прислугой.

– Знакомьтесь, мои дорогие, это наш сосед и мой спаситель, весьма, кстати, интересный молодой человек, Егоров Алексей Петрович, сын Петра Григорьевича.

– Арина Ивановна, – милостиво улыбнулась уже довольно немолодая, но приятная женщина и протянула руку Алексею.

Он как-то неловко дёрнулся и поцеловал протянутую руку княгини.

– А это Машенька, моя младшенькая, – кивнул Семён Павлович. – Два старших сына, Андрей и Григорий, сейчас находятся на службе в действующей армии. Так что мы тут втроём в этом вот провинциальном имении проживаем.

Алексей взглянул на самую младшую представительницу княжеского рода и совершенно неожиданно для себя понял, что он буквально по уши влюбился в неё с первого взгляда. Да и как было не влюбиться в такую очаровательную и милую девушку? Маша, как видно, была чуть старше мальчишки. Её светлые кудрявые локоны спадали ниже груди. На чистом и правильном личике с аккуратным, точёным носиком и чувственными губками блестели весёлые голубые глазки, и вся она светилась какой-то милой нежностью и чистотой.

Ох уж эти гормоны пятнадцатилетнего парня! Алексей густо покраснел и промямлил что-то такое невнятное, представляясь буквально на автомате. Выглядело со стороны всё это, конечно, комично и нелепо.

– Ну всё, всё, засмущали дамы нашего гостя, – проворчал хозяин. – Мари, покажи-ка ты ему лучше нашу библиотеку. Сей любознательный юноша очень любит читать, и, как мне сам

давеча сказал, он уже осилил всё то, что у них только было из книг. Думаю, ему было бы весьма полезно ознакомиться со всем тем, что тут у нас здесь есть. А мы пока займёмся моей ногой.

– Пойдёмте, Алексей, – приветливо улыбнулась Маша и пошла по лестнице впереди него на второй этаж.

Библиотека Троекуровых была воистину огромной и была составлена по определённой программе. В неё входили книги по истории, политике, экономике, литературе, философии, военному делу и многим другим отраслям наук. Здесь также были переводы сочинений Макиавелли и Боккалини, славянские рукописи, труды писателей античности и многое другое.

Теперь как минимум пару дней в неделю Алексей проводил в поместье Троекуровых, и влекла его не только любовь к литературе или искусству, но и разгоравшееся всё сильнее чувство к милой Машеньке. Её родители общению подростков не препятствовали. Девушке было уже пятнадцать. До начала традиционного брачного возраста было всего пару месяцев, а завидных женихов на горизонте пока что ещё не было. Почему бы молодёжи между собой не общаться, тем более что они были в соседях и испытывали друг к другу взаимную симпатию. Алексей производил впечатление весьма воспитанного и ответственного молодого человека, а Машенька тоже была добронравной и весьма благоразумной девушкой. Вот и ворковала парочка целыми днями во дворце или на совместных прогулках вокруг усадьбы.

Только батюшка Алёшки хмурился и порою ворчал, прознав про увлечение своего младшего отпрыска:

– Баловство это всё, пустое! Нечета мы, служилые дворяне, целым князьям. Позабавится она с тобой, Лёшка, и за графа какого-нибудь потом замуж выскочит, а ты вон так будешь себе соплю на кулак наматывать, жених! Тебе бы сначала чин поручика выслужить и какое-никакое худое именье с парой десяткой душ прикупить. Или же за доблестную государеву службу всё это же выслужить. Вот потом тебе и можно будет думать о девицах да обо всяких там амурах. Да и вообще, Троекуровы теми ещё вольнодумцами у нас в губернии славятся. Не зря Иван Семёнович аж при матушке Елизавете Петровне в опалу попал и потом был вынужден совсем сюда вот, в это своё дальнее поместье, со столицы перебираться. Смотри, Лёшка, чтобы не задурили тебе голову все эти философы да поэты! – и он кивнул на книгу в толстом кожаном переплете, что была сейчас в руках у юноши.

– Да это же свод воинских уставов, батюшка, ещё от царя Алексея Михайловича собранный в одну единую книгу! А также первый устав Иоганна Якоби фон Вальхаузена «Воинское Искусство», что состоял ещё век назад на Русской службе, и «Книга Марсова» нашего императора Петра Алексеевича здесь же, вместе со всеми в одну единую сведена.

– Хм, ну так бы и сказал, что ты Петровские уставы читаешь, – успокоился отец. – Это уж точно более полезным делом будет, чем французские романы и всякие там труды с измышлениями философов читать!

Глава 7. Часовой есть лицо неприкосновенное!

– Отбил, коли! Отбил, коли! Резко фузею со штыком вперёд, в живот его супостату, и сразу же резко выдёргиваем назад. Чуть дольше, Ляксей Петрович, задержите его в брюхе и не сможете вот так вот просто назад выдернуть, намертво застревает штык у него там, так и останетесь тогда без оружия в руках, а на вас-то уже новые враги насакаивают! – объяснял приёмы штыкового боя дядька Матвей. – Поэтому тут главное – это сила и резкость удара. Русский солдат всегда на штыках других побивал, и науку эту нужно обязательно каждому служивому крепко-накрепко усвоить. Вам-то, конечно, как будущему охфицеру, больше на шпагу или же саблю полагаться придётся, но ведь всякое тоже в бою может случиться, глядишь, и сей навык тоже когда-никогда, а верную службу сослужит.

И Лёшка снова ворочал тяжёлой фузеей ещё с тех Петровских времён, что служила по случаю выхода из строя её казённой части только лишь как орудие для штыкового боя. Искусство это было весьма не простое, бывало так намашешься ружьём на занятиях, что аж целый час потом руки трясутся, и ещё плечи от усталости ломит.

– Убьёт ведь, убьёт мальчишку! – голосила дворовая баба Акулина, пробегая мимо того самого места за сараями, где Лёшка занимался фехтованием и боем на штыках.

– Кто кого убьёт-то, ты что орёшь, как скаженная? – крикнул ей вслед дядька, но той уже и след простыл. – Пошлите, Ляксей Петрович, посмотрим, что там опять у дворовых стряслось, да и вам передохнуть от ратных трудов надобно, вон от соломенного чучела одни лишь обрывки только на шесте остались.

Весеннее апрельское солнышко жарко припекало Калужскую землю. Ещё недельку и совсем стает снег с полей, освобождая их для трудов рачительного крестьянина. Пока же шла усиленная подготовка к посевной. Проветривалось и подсушивалось семя, что следовало заложить в пашню, осматривались сохи, плуги и бороны, чинилась всякая упряжь для тягловой скотины и прочие приспособы. Все, как обычно, были при деле и спешили быстрее исполнить свою работу. За всем, разумеется, был строгий надзор в лице управляющего помещьем Игната Фёдоровича, старшего сына хозяина Павла ну и, конечно, самого барина Петра Григорьевича.

От семенного амбара слышался свист кнута, удары и резкие вскрики жертвы. Десяток мужиков и баб жались к жердяной оградке, наблюдая со страхом и жалостью за той экзекуцией, что происходила сейчас на их глазах. Открывшаяся Алексею картина впечатляла.

На длинной нестроганой скамье лежал зафиксированный за руки и ноги верёвками Харитон, лучший дружок Алексея по многим их детским дворовым играм да шалостям. Был он сыном конюха, шестнадцати лет от роду и на год старше Лёшки. Характер парень имел лёгкий, весёлый да покладистый. Как и водится, с десяти-одиннадцати лет впрягся Харитон в тяжёлую крестьянскую работу, помогая семье и отработывая положенную барщину. Всё бы было хорошо, да у Павла Петровича как раз сегодня было весьма прескверное настроение, ну вот, видно, и подвернулся Харитон под его тяжёлую барскую руку.

Очередной переносимый с амбара мешок ржи был, как видно, сильно подопревшим и лопнул в самое неудачное для этого время, как раз когда перед амбаром проходил старший господский сын. Зерно высыпалось в грязь буквально под самые господские кожаные сапоги. Следствие было проведено на месте немедленно. Решение его было однозначным – виноват в порче господского имущества, ибо допустил при этом своё личное разгильдяйство, халатность и недогляд. Вердикт был вынесен тут же: пороть кнутом без жалости, чтобы всем другим неповадно было, причём пороть прилюдно и незамедлительно! Следовало показать холопам всю твёрдость господской власти, ибо расслабились они за зиму, свои бока в избах у печек отогревая! Исполнение приговора было поручено проводить кучеру Савелию, а это тоже, надо сказать, был очень хитрый и весьма продуманный ход. Каждый в поместье Егоровых знал про

весьма непростые и прохладные отношения между господским кучером и конюхом Осипом, и вот теперь одному из недоброжелателей представлялась возможность выместить всё плохое на сыне своего давнего недруга.

– Ещё, ещё, добавь ему плетей! – с какой-то жадной радостью приговаривал Павел, раздувая ноздри.

На спине у парня свежие рубцы обильно сочились кровью, сам же он уже не дёргался резко и не вскрикивал так истошно при каждом ударе, как это было в самом начале, а лишь судорожно вздрагивал всем телом и тихонько постанывал, уронив лицо на скамью.

Вот она, изнанка просвещённого века Екатерины в самой её красе! Барин мог забить до смерти, замучить своего холопа, продать его самого или всю его семью оптом или в розницу, разлучая мать с детьми или жену с мужем. Скотина порой жила лучше, чем простой люд в это время. Всё это Лёшка знал из курса изучаемых им ранее наук, но одно дело – знать или слышать, и другое, когда вот всё это творится у тебя лично на глазах.

– Запорет, запорет ведь насмерть! – причитала мать Харитона Марфа. Отец мальчишки стоял тут же и тяжело глядел себе под ноги, вздрагивая от каждого удара по спине сына.

Не выдержав, Марфа кинулась в грязь под ноги господину и, размазывая грязь по своему лицу, прижалась лицом к его сапогам.

– Простите мальчишку, барин, простите, Христа ради, прошу! Мы всё вам отработаем сполна! Простите его, он уже и так без памяти лежит!

– Пшла вон, дур-ра! – брезгливо оттолкнул сапогом бабу Павел. – Чё лезешь, полоумная!

Что-то вдруг перевернулось в эту минуту в сознании у Алексея. Дальше он уже действовал как будто на автомате.

– Возьми! – резкая и хлёсткая команда заставила Матвея безоговорочно схватить фузею с примкнутым штыком, а Лёшка уже тем временем подскакивал к кучеру. Левая рука парня перехватила его правую с зажатым в ней кнутом в самой её верхней точке, готовую уже опуститься вниз для очередного удара. Правая подхватила её же сбоку за плечевое основание. Подворот под тяжёлое тело. Колени резко выпрямились из полуприсяда, и Савелий под дружный «Ах-х!» дворни смачно шмякнулся на спину прямо в лужу.

Бросок через плечо проведён чисто! «Иппон!» Алексей резко развернулся и, сделав два шага, оказался прямо перед Павлом.

– Пошёл быстро к папеньке на доклад, стервец! Чуть его человека насмерть не запорол! Ну! – и Алексей сделал ещё шаг вперёд, глядя прямо в глаза взрослому мужчине. И ошалевший от всего только что здесь произошедшего, Павел, несмотря на свой возраст, положение и статус будущего хозяина поместья, вдруг как-то разом съёжился, отвёл взгляд в сторону, неловко развернулся и молча, не оглядываясь, засеменил по направлению к дому.

– Сняли Харитонку со скамьи и в избу его бегом! – бросил Алексей дворне. – А ты, тётка Марфа, в Татьяновку быстрее беги, там по осени Ваську Рыжего секли, так тётка Евдокия его за неделю после того на ноги подняла, небось, мазь какая-то ещё осталась у неё! На вот, отдадите ей, – и он протянул серебряный гривенник матери друга.

– Спасибо, милостивец, – бухнулась снова в грязь Марфа. – Век не забуду, за тебя буду молиться.

Тут же рядом стоял в поклоне Осип, а по его лицу текла скупая мужская слеза.

– Бог в помощь, лечите Харитона, – кивнул Алексей и развернулся к Матвею. – Пошли, что ли, в дом, дядька, опять я, похоже, тебя подвёл, набедокурил снова, да?

– Хм, – глубокомысленно хмыкнул Матвей, – здесь ведь дело посерьёзней, чем все прежние шалости, Ляксея Петрович, будут. Я-то что! А вот с вас Пётр Григорьевич может теперяча очень строго за всё спросить, вы ж как-никак господскую волю перед дворней прилюдно принизили. Ай-яй-яй! Как же нехорошо-то всё тут получилось!

Алексей вдруг резко остановился и пытливо взгляделся в глаза наставника.

– Сознаюсь, погорячился я, дядька. Но что же мне, так и стоять там было, и смотреть, как мальчишку при отце, матери убивают, да?! И это за прелую-то мешковину и жмень зерна?

– Так все ведь мы в руках Господа и его наместников на земле грешной и под управлением власти кесаревой. Всегда же простому человеку безропотно положено властям подчиняться. Не к бунту же, коли несправедливость какая затеялась, теперяча-то нам идти?

– А я к бунту и не призывал никого, – буркнул Лёшка. – А всё же пустую жестокость терпеть ещё не приучился пока тут у вас, – и крепко, эдак по-взрослому выругался. – Пошли дядька, буду сам за всё отвечать перед батюшкой. Ты, главное, тверди, что не успел меня в сторону отвести, что фузеей я тебя отвлек и в руки тебе её дал специально, вот ты и держался от меня в стороне, дабы только она мне в руки ненароком не попала! – и решительно направился к крыльцу, на верхней ступени которого уже высился сам грозный хозяин поместья. А поражённый Матвей так и остался стоять на месте, «переваривая» всё, только что им здесь услышанное. Особенно его зацепило то «солёное» выражение, какое совершенно спокойно только что тут выдал Лёшка. Ещё одна загадка к портрету его воспитанника теперь добавилась у дядьки.

– Ну что ты на этот раз мне ответишь, шельмец?! – заорал Пётр Григорьевич, потрясая кулаками. – Опять на какой-нибудь артикул императора тут будешь ссылаться, который запрещает господам своих холопов прилюдно пороть? Против родного брата перед всей дворней уже с оружием пошёл! Ты что же это, на каторгу за призыв к бунту захотел?! Отвечай сейчас же, сукин сын!

Алёшка встал по стойке смирно и чётким размеренным голосом ответил на предъявленные ему обвинения.

– Никакого призыва к бунту с моей стороны даже близко не было! Неисправная кремнёвая фузeya, предназначенная для занятий штыковым боем, была передана на сохранение воспитателю Матвею, и перед той дворней она даже и не показывалась вовсе. Вмешался я в экзекуцию токмо по той причине, что все холопы, по сути, есть личная собственность помещика Петра Григорьевича Егорова, и пороть их или же даже лишать жизни может лишь он самолично или же это можно содейть по его прямому указанию. Павел же такой же сын хозяина поместья, как и я сам, и, судя по всему, он превысил все свои полномочия, не являясь напрямую хозяином провинившегося. Ведь указа батюшкиного на порку холопа не было. К тому же он чуть было не лишил жизни Харитошку и не принес тем самым прямой разор его господину. Я же очень сомневаюсь, зная ваш справедливый характер, что вы, батюшка, решились бы забить насмерть мальчишку, да ещё и на виду у его родителей. Вот потому-то и вмешался в сию экзекуцию до принятия вами самоличного и верного решения, – и Лёшка склонил голову в почтительном поклоне.

Егоров-старший хотел было по привычке заорать, но, нахмурившись, задумался. В словах «сукиного сына» был совершенно чёткий смысл, и стоило вначале всё хорошенько обдумать, а уже затем и принимать верное решение.

– Быстро к себе в комнату и до завтрашнего утра из неё не выходить, чтобы даже носу наружу не показывал! Считаю себя пока под арестом, а завтра я тебе лично озвучу свою волю! – и батюшка захромал в ту сторону, откуда только что явились оба его сына.

Наутро Алексей был вызван в кабинет Петра Григорьевича, где он и выслушал его отцовскую волю.

– За прилюдное оскорбление своего старшего брата, наследника семейного имущества и фамилии, опять же за подрыв авторитета господской власти в поместье старший сержант Алексей Петрович Егоров приговаривается к ежедневному несению караульной службы по всей выкладке, при мундире и при фузее, в течение полной недели, без обеда и питья воды во время стояния на посту.

Тут же батюшкой был зачитан Указ Императрицы Всероссийской Екатерины II от 1765 года о полном повиновении крестьян помещикам и разрешении отправлять их на каторгу в Сибирь, а также Указ от 1767 года «о запрете на жалобы крепостных».

– И к Троекуровым ходить я тебе запрещаю! От них вся эта либеральность идёт, от них!

Алексей всё молча выслушал, поклонился, никаких вопросов у него не было, на душе же было мутно и пусто. Желания оставаться в поместье больше у него уже не было. Нужно было как-то выбираться в этот большой и сложный мир Российской империи XVIII века и жить дальше самостоятельной взрослой жизнью.

Неделя наказания шла мучительно медленно. Крыльцо господского дома выходило на его южную сторону, и, стоя в своей форменной чёрной треуголке, в суконном кафтане, в туго стянутых под коленями тёмных штиблетах и высоких сапогах, стиснутый к тому же широким ремнём с патронными сумками и с кожаным ранцем за спиной, Лёшка потел, глядя оловянными глазами перед собою вдаль. Самое тяжёлое время у него было после обеда. Все в доме только что заканчивали трапезу, и запахи долетали с кухни и гостиной просто одуряющие. А солнце, не по-апрельски жаркое, стояло как раз в самом зените, выгоняя обильный пот из под головного убора. И стоять ему так было ещё долгие четыре послеобеденных часа, это ещё не считая тех, что он уже отстоял утром.

– Лёшенька, я тебе мяса варёного принесла, водички вот холодненькой испей, – пыталась хоть как-то облегчить его долю добросердечная Анна. Но мальчишка продолжал стоять не шелохнувшись, стойко неся свою штрафную вахту.

Павел же издевался, как только мог, подчёркнуто громко прихлебывая из ковшика холодную воду и прохаживаясь буквально в полуметре от часового. Возмездие не заставило себя долго ждать. Как-то, слишком увлёкшись своей мелкой мстью, он перешёл все дозволенные рамки и со смешком дёрнул молчаливую, как статуя, фигуру за ремень. Приклад тяжёлой фузеи неожиданно резко ударил его сверху по стопе, заставив что есть мочи заорать от боли.

– Часовой есть лицо неприкосновенное! Отойти на три шага от поста! – раздался рык часового, и в лицо отскочившего и оторопевшего от неожиданности Павла уставился трёхгранный наточенный штык.

Как ни странно, никаких неприятностей за этот инцидент не последовало, скорее всего, старый елизаветинский офицер провёл «политбеседу» со своим старшеньким, и он теперь обходил одинокую фигуру у крыльца большим полукругом.

24 апреля, в предпоследний день постовой службы, у Лёшки был день рождения. На вопрос отца, не нужно ли перенести караульный день на последующий, штрафник только молча покрутил головой в треуголке и занял свой пост.

– Упрямый, шельмец! – то ли одобряя, то ли осуждая его, ругнулся Пётр Григорьевич и зашёл в дом.

Так и прошла эта долгая и тяжёлая неделя.

25 апреля, сдавая дежурство отцу, Алексей подал по всей форме письменный рапорт и пошёл отсыпаться. А отставной елизаветинский майор сидел, глубоко задумавшись, за письменным столом кабинета и время от времени поглядывал на бумагу, где стояло лаконичное:

«Прошу вас, отправить меня из отпуска для постоянной службы в первую дунайскую армию генерал-анишефа графа Петра Александровича Румянцева.

Старший сержант гвардии Егоров А.П.

25.04.1770 г., подпись».

Глава 8. Дорога в действующую армию

– Ну что, Алексей, вот и настала нам пора прощаться, – с отчётливо слышной ноткой грусти в голосе сказал сыну Пётр Григорьевич. – Может быть, оно так и лучше будет, всё равно ведь вам с Пашкой не ужиться здесь вместе. Рановато, конечно, тебя ещё на службу определять, целый год ведь по всем срокам своего первого офицерского чина ждать. Ну так ведь и я ещё при императрице Анне Иоанновне в своём полку в капралах службу начинал, а то время уж не в пример вот энтому, весьма смутное тогда было. Без немецкой фамилии или же без Биронской протекции дальше унтеров и вовсе тогда нашему русаку ходу не было. Сейчас-то, конечно, уже полегче с этим стало. Жаль вот только, что с гвардейским чином тебе придётся расстаться, на обычный армейский его сменив. Ну да, с другой стороны, ну его, ещё наберёшься какой-нибудь дури в столицах, а в действующей армии-то чай всегда при деле будешь.

Пачпорт тебе выправлен, подорожная из уездной канцелярии с проездными имеется, выписка из военной коллегии и от разрядной комиссии ты на руки получил. Служи верой и правдой стране нашей и матушке императрице, сынок, – напутствовал Алексея отец. – Штукер мой, шпагу и пистоль призовой со всем припасом и амуницией с собою забирай. Лучше было бы, конечно, тебе тесак с собой дать, да со шпагой-то ведь оно солиднее будет, сразу ведь каждому станет ясно, что портупей юнкер из дворян перед тобой стоит, а не какой-нибудь там унтер Ванька из подлого мужицкого сословия. В помощь тебе и в услужение мною Матвей определён. Он мужик верный, меня вон в своё время тоже по баталиям с пруссаками сопровождал, думаю, и тебе он тоже сгодится.

Павел со своей супругой провожать братца даже не вышли. Дворянка прощалась с младшим господским сыном душевно и совершенно искренне. Ляксея Петровича за его добрый и весёлый нрав все тут любили и уважали. В имении Троекуровых не обошлось без обильных слёз и нежных обещаний любить, ждать и никогда милого Лёшеньку не забывать.

Всё, жребий был брошен, и у Алёшки начинался совершенно новый этап в его жизни – служба в Русской императорской армии. Но до этой самой армии ему ещё предстояло добратся.

На отцовской бричке, управляемой Осипом и запряженной парой лошадей, они за полтора суток добрались до Сухиничей. Дальше отсюда нужно было добираться только лишь «на перекладных».

В России на далёкие расстояния можно было передвигаться или в личном экипаже, со своим кучером да на собственных лошадях или же на почтовых, как все здесь говорили, «на перекладных». Передвигаться на своих было делом долгим и весьма хлопотным, ведь лошадей нужно было часто останавливать для отдыха и кормления. Езда же на почтовых – перекладных была возможна только лишь на больших почтовых трактах, то есть на дорогах с движением почтовых карет между станциями (ямами, отсюда пошло и название «ямщик»). Станции эти, ямы, располагались друг от друга верстах эдак в тридцати-тридцати пяти. Для такой езды батюшка выписал в уездной полиции города Козельска подорожную, являющуюся по своей сути свидетельством на право получения почтовых лошадей, причём получения согласно занимаемому предьявителем чину и званию.

Лёшка ехал на почтовых «по казённой надобности», чин он имел, самый что ни на есть маленький, поэтому полагалось ему не более трёх прогонных лошадей. На почтовой станции станционному смотрителю предьявлялась подорожная, которую тот регистрировали в свою особую книгу и принимал от путника положенную за проезд плату. После чего, при наличии свежих лошадей, путешествующие ехали до следующей станции, где повторялось всё то же самое, что и до этого, на предыдущей. Порядок здесь был везде один. Плата, называемая «про-

гонной», бралась повёрстно, то есть с каждой версты, и составляла она по три копейки за десять вёрст на каждую лошадь в центральных губерниях страны.

Обстановка на почтовых станциях была всюду самая что ни на есть удручающая. Хлопоты замученных до смерти станционных смотрителей, утомительное ожидание освободившихся лошадей, наглость высоких чинов или просто благородных нахалов, требующих себе упряжку в первую очередь. Тяжкие ночёвки в неблагоустроенных и тесных помещениях, отвратительная кухня в трактирах – всё это довелось на себе испытать Алексею вместе с сопровождающим его дядькой сполна. Действовать нахрапом, как это делали многие другие, не позволяло ему ни воспитание, ни маленький служивый чин. Кто он такой! Простой недоросль, «унтиришка», дворянский сын, следующий к месту службы. Отсюда и было к нему столь снисходительное отношение всех почтовых служителей, уже давно привыкших к хамскому отношению и к наглости путешественников.

Скорость передвижения по российским хлябям была весьма невысокая, от силы где-то не более ста вёрст в сутки проезжали путники.

Совсем другое отношение было к правительственным курьерам, или как их здесь называли, фельдъегерям. Для них на каждой станции всегда приберегались особые, курьерские лошади. Алексей зачастую лично наблюдал, какая начиналась суета на станциях при подлёте этих самых курьеров. Особый звон их колокольчиков почтовые смотрители различали загодя и тут же начинали подгонять своих подчинённых.

– Быстрей, закладывайте лучшую шестёрку! Не слышите, что ли, фельдъегерь через десять минут уже здесь будет! Опять, что ли, в зубы получить захотели?!

И действительно, государевы курьеры тут особо не церемонились. Чуть только замешкались почтовые с его отправкой – и всем сразу же прилетало сполна. Потому-то и могли они передвигаться так, как стояло в государевых рескриптах утверждающих их службу: «ехать столь поспешно, сколько сие будет возможно», вот и преодолевали они порой по двести вёрст в сутки.

Проезжая через Киев и сделав там двухдневную остановку, путники полюбовались на древний город и Днепр, а затем направились в сторону Умани. Места тут уже были неспокойные. Два года назад здесь прокатилась Колиивщина – разрушительное восстание гайдамаков, выступавших против национального гнёта православных Речью Посполитой, послужившее затем поводом для объявления войны России Оттоманской Портой. Несколько раз по этим местам проходили отряды восставших, польских конфедератов, татарские разъезды и полки русской регулярной армии. По окрестностям бродили шайки мародеров, дезертиров и атаманов всех видов, мастей и национальной принадлежности, поэтому здесь следовало передвигаться со всей осторожностью и желательно не поодиночке.

В небольшом грязном местечке Балта на пыльной и сонной почтовой станции получить бричку быстро, как, впрочем, это обычно и было, не удалось. Перед Алёшкой следующие к армии офицеры уже забрали три перекладные упряжки, и, когда, наконец-то, дошла очередь и до него, на двор заехала хорошая карета на рессорах. Высокий офицер в мундире подполковника, при парике и с явно слышимым акцентом потребовал немедленно запрягать ему самых лучших лошадей, потому как он спешил к самому генерал-аншефу графу Румянцеву. В противном же случае и при малейшем промедлении он обещал всем показать эту самую «русскую кузькину мать» и демонстративно ударил набалдашником своей трости по столу смотрителя.

Оставшиеся уже после всех этих путников две немолодые кобылки владели теперь бричку Лёшки неспешно в сторону Днестра. Жаркое солнце уже коснулось края горизонта, и окружающие старинный тракт рощи да перелески отбрасывали теперь на дорогу свои длинные тени.

Сонный молдаванский крестьянин, правивший бричкой, сбросил оцепенение и, обернувшись, что-то быстро-быстро заговорил своим пассажирам.

– Что он там лопочет-то, Матвей, ничего я не могу разобрать, – поморщился Алексей, глядя на загоревшего до черноты молдавана.

– Да говорит, что до станции не успеть нам уже никак, придётся, как видно, уже где-нибудь здесь заночевать, – откликнулся дядька. – Ещё говорит, как я его понял, что речка тут рядом есть, Ягорлыком называется, видно, вот туды нам и надо будет править. И вы уж, Ляксей Петрович, оружие-то свою наготове всё время держите, неровён час, пригодиться оно может, ох и не добрые эти места, как я вокруг погляжу.

Дядька как в воду глядел, уже в сумерках, не доезжая с полверсты до небольшой буковой рощицы, Лёшка услышал недалёкий глухой выстрел фузеи, а за ним сухо треснули и два пистолетных.

– Вперёд давай, что встал! – вдруг, неожиданно для самого себя рывкнул он на оробевшего кучера, остановившего в страхе повозку, и направил на него штуцер.

Мужик захлопал глазами и что есть сил стегнул лошадей. Через минуту быстрого хода перед ними предстала классическая картина – «не ждали!».

В пересохшем русле небольшой речушки стояла со свёрнутым колесом уже знакомая Алексею карета. Возле неё на земле неподвижно лежало три тела, и, как видно, уже из последних сил отбивался шпагой припёртый к самой её двери знакомый им по станции подполковник. Вокруг него с какими-то копьями и даже тройкой фузей при штыках расположились какие-то дико оружие оборванцы, а двое их товарищей уже заходили молча офицеру со спины, видно, пользуясь тем, что сейчас жертва занята другой и более явной опасностью.

– Стой! – отдал команду Лёшка и, на ходу выпрыгивая из брички, упал на колени в придорожную пыль. Плавно выжимая спуск своего штуцера, он боковым зрением с удовлетворением отметил, как выпрыгнувший следом за ним Матвей вскидывает к плечу и свою егерскую фузейку.

Хлоп! – и тяжёлая пуля штуцера откинула от спины офицера того разбойника, что уже примерялся его рубануть сзади саблей. Лёшка закинул оружие за спину и, выхватив шпагу, с громким криком ринулся на остальных разбойников.

Бах! – разнёсся грохот фузейного выстрела, и большая круглая пуля, как перезревший арбуз, расколола голову тому, кто сейчас подступал к Алексею самым первым со штыком наперевес.

Тот, второй, кто наступал подполковнику со спины, бросив на землю ружьё, улепётывал теперь к лесу со всех ног. В оставшейся четвёрке царила теперь явная неразбериха. Двое в широких шароварах и с копьями наизготовку пятились теперь прочь, та же пара, что была в солдатской оборванной форме и при фузях, продолжала стоять на месте как вкопанная, поводя лишь жалами штыков на офицера и на подоспевшую к нему подмогу. Лёшка на бегу выстрелил из пистолета, с досадой отмечая промах. Но, как видно, именно этот хлопок и свист пули и послужил тем самым толчком к бегству для «шароварных». Они резко развернулись и дружно рванули вдоль русла речушки. Офицер же, воспользовавшись сумятицей, отбил шпагой штык фузеи и, коротко ругнувшись, проткнул его хозяина.

Шорх! – чуть отклонённый шпагой Лёшки штык второго оборванца распорол рукав камзола на плече, чуть оцарапав кожу. На всю жизнь он запомнил этот свой первый смертный бой в сумерках. Блеск острия штыка, злое перекошенное лицо мужика в драной солдатской форме, звон шпаги о сталь. Сбоку выметнулась фигура Матвея, раздался глухой удар приклада его фузейки, и мужик в форме рухнул на землю. Всё! Этот бой был закончен.

– Ви есть ранен?! – воскликнул офицер, подбежав к Алексею.

– Нет, ваше высокоблагородие, – покачал он головой в ответ. – Штык лишь камзол распорол да ещё немножко кожу задел, – и, вложив шпагу в ножны, представился: – Старший сержант Егоров Алексей, следуя к месту службы, в первую армию графа Румянцева.

– Как это любят русские говорить – немножко ранен, немножко убит, немножко ехать, немножко стоять, – усмехнулся офицер. – Я есть барон Генрих фон Оффенберг, старший картограф воинский коллегий её императорского величества. Я тоже немножко ехать в первый армий, и, похоже, что немножко вам благодарен, Алексей, за свой спасений, – и он с искренней улыбкой протянул свою руку пареньку.

Алексей помялся и крепко её пожал.

– О-о, это есть рука не мальчик, но мужа! – воскликнул барон. – Тогда я понимать, почему от вас с вашим адъютантом так убежать все эти разбойник! Просто они немножко вас испугаться, да?! – и он весело и громко расхохотался.

– Да нет, что вы, это мой дядька, воспитатель Матвей. Мне пока по чину адъютант никак не положен, – сконфуженно протянул в ответ юноша.

– Вот! – поднял указательный палец кверху немец. – Опять этот интересный русский слово – «пока». Пока не положен. Будем надеяться, что этот пока не продлится очень и очень долго. Как я понимать, ведь вы есть претендент на первый офицерский чин?

– Ну да, – кивнул, невольно покраснев, Алексей. – По цензу выслуги надеюсь получить звание прапорщика в следующем году, ваше высокоблагородие.

– Не нужно говорить о чинах, Алексей, для вас, пока рядом нет никто из армейский командир, я есть просто Генрих Фридрихович, ваш добрый друг, если, конечно. вы сами это не против? – и он подмигнул Алёшке.

– Хорошо, Генрих Фридрихович, – кивнул тот. – А как так оказалось, что вы поехали без конвоя, всё-таки, извините, и должность, и ваше звание весьма приличное?

Всеми виной этот ваш русский авось, мой дорогой друг, – усмехнулся барон. – Я должен быть дожидаться конвой в Балте, но вот этот самый русский авось сказал мне, что можно немножко поспешать, и тогда я уже завтра быть в армий. Всё было очень хорошо, но на этом переезде у кареты отвалиться колесо, а потом из кустов выскочить все эти разбойник. Они убить мой адъютант, а кучер убежать в лес, – с грустью рассказывал барон. – Всё было бы очень и очень плохо, и я уже приготовился немножко умирать, но тут появляться вы.

Дальше всё было понятно, и, пока Матвей связывал оглушённого им пленного, Алексей с его высокоблагородием отправился осматривать поле боя.

Адъютант, высокий унтер в мундире Преображенского полка, лежал на животе возле кареты без движения. Перевернув его, Алексей с бароном увидели большую кровоточащую рану, зияющую в области сердца.

– Ай-й-й-й! – покачал головой Генрих. – Очень жаль Игнат, какой хороший рисовальщик карт он быть, а как местность на глаз хорошо снимать. Это есть очень тяжёлый утрата для меня. Придётся запрашивать ещё людей в коллегий, – и, осмотрев остальных покойников, он направился на зады кареты.

Здесь в пыли как раз и лежал тот самый разбойник, которого Алексей поразил самым первым из штуцера. Был он с виду гораздо чище и опрятнее остальных, при хороших кожаных сапогах, каракулевой папахе, широком поясе на шароварах и в цветастом кафтане. В одной руке у него была зажата хорошей выделки сабля, в другой же был взведённый кремневый пистоль. Пуля попала ему сбоку, в область подмышки, и, как видно, смерть разбойника была мгновенной.

– Вот и в этом мире пришлось перечеркнуть чью-то жизнь, – с грустью подумал Алёшка, закрывая погибшему глаза.

Барон потоптался около убитого. Взглянул с интересом на юношу и кивнул в ту сторону, откуда они сюда приехали.

– Какой расстояний стрелять, Алексей?

Лёшка посмотрел туда, куда сейчас глядел немец, пожал плечами и сказал просто:

– Да шагов сто, может быть, даже чуть больше будет. Стрелять быстрее было нужно, боялся, что вот этот вас саблей вдруг сзади рубанёт. Хорошо ещё, что второй его дружок струсил и своё ружьё выбросил – его-то мне достать было уже нечем.

– Ой-ой-ой, – покрутил головой барон. – Да вы есть хороший стрелок, прямо как егерь, да, мой друг?! Сто шагов дистанций, видеть плохо из-за сумерки, стрелять сверху вниз и так хорошо попасть. Не зря у вас есть такой дорогой штуцер!

– Да ладно, – махнул Лёшка. – А вот из пистоля я ни в кого не смог попасть, так, шуганул только тех шароварников.

– Найд, найд, – опять покрутил головой офицер-картограф. – Пистолет стрелять только стоя, ты бежать, и ствол очень-очень сильно туда-сюда прыгать, – и он показал, как сильно дёргается ствол пистолета при движении. – Я попал из свой пистолет, только когда стоять, – и барон кивнул на двух лежащих возле кареты разбойников. – Это есть твой трофей, – он, освободив саблю с пистолетом из рук лежащего, спустил его курок на предохранительный взвод и протянул всё оружие Алексею.

На ночь устроились недалеко от места схватки. Матвеем под раскидистым карагачем был разложен костёр, возле которого и расстелили попоны, войлочные коврики и всякие другие подстилушки, что были взяты из брички и кареты. У картографа с собой была хорошая корзина с провиантом, которым он щедро поделился со своими попутчиками.

Обжаренный на углях окорок, лепёшки из кукурузной муки, брынза, козий сыр, яйца с зеленью и овощами, запиваемые тут же водой из бурдюка, – что может быть лучше для путника в такую безлунную южную ночь? Вино немец юноше не предложил, попивая его сам из своей кожаной фляги, – ибо рано еще, как он сам и сказал, глубокомысленно ткнув в звёздное небо указательным пальцем.

– Да не больно-то и хотелось, – усмехнулся про себя Алёшка, устраиваясь поудобнее на кошме возле костра. Его сторожевая вахта была второй, сразу же после барона, и, ещё раз проверив своё оружие, он уставился в ночное небо.

Звёзды большой серебряной россыпью сверкали над самыми головами. Было такое чувство, что небо здесь гораздо ближе к человеку, чем в его родных северных широтах. Казалось бы, только протяни руку и можно будет достать звезду. Мерно стрекотали цикады, где-то угукал филин, вдали лаяли и подвывали шакалы – приднестровская лесостепь жила своей жизнью.

«Удивительно, – думал Алексей, – сколько человек живёт, столько он и воюет с себе подобными. Какие только армии завоевателей не видела эта земля, ещё древние киммерийцы, скифы, сарматы и даки владели ей. Потом тут укрепились римляне, построив свои знаменитые защитные Траяновы валы. Видела эта земля волны великого переселения народов из готов, гуннов и славян, прошедших здесь широкой полосой в своё время. Византийцы, половцы и печенеги – все отметились на этой земле. Сколько же битв она видела, сколько крови тут было людской пролито, и вот теперь здесь предстояло сойтись армиям Османской и Российской империй. Да и он уже успел пролить на эту землю кровь человека. Что ещё предстоит ему, какие испытания готовит жизнь, кто он вообще в этом мире и для чего сюда пришёл? Вопросы, одни лишь вопросы...»

Веки Лёшки отяжелели, и он сам не заметил, как уснул. Матвей нагнулся над пареньком и накрыл его своим верхним кафтаном. После чего подкинул дровишек в костёр и, отойдя подальше в сторону, присел у куста, укутавшись лошадиной попоной. На его коленях покоилась егерская фузея и тесак. Теперь глазу не мешал огонь, а чуткое ухо охотника чётко вычленяло каждый звук в ночи. Так и встретили рассвет – кто-то дежуря и охраняя покой, кто-то мерно посапывая под тёплым кафтаном дядьки, а кто-то и вовсе выводя звонкие тирольские рулады.

Утренние сборы были недолгими. Пойманы и запряжены в починенную карету лошади, затушен костёр. Наскоро перекусив, путники отправились в сторону Дубоссар.

Бричка, оставалась на месте ночлега, сюда же были снесены и прикрыты дерюгами и ветками побитые в схватке разбойники. Захваченного же в плен дезертира путники взяли с собой, его следовало передать в руки военно-полевого суда.

– Но-о, родимая, трогай! – громко крикнул Матвей и немного подстегнул коренного.

Отдохнувшие за ночь лошади резко взяли с места, а до действующей армии оставалось чуть больше дня пути.

Глава 9. Полевой штаб первой русской армии генерал – аншефа графа Румянцева

– Ваши документы, юноша! – старший дежурный офицер первой армии строго с головы до ног осмотрел стоявшего перед ним навтыжку Алёшку.

– Старший сержант Егоров Алексей! Прибыл с сопроводительными документами в действующую армию генерал-аншефа графа Румянцева из родительского поместья, где проходил обучение наукам! – чётко представился тот и протянул стопку своих сопроводительных бумаг секунд-майору.

– Лицо не мытое, камзол запылённый и весьма скверно зашитый, оружие не по уставу нацеплено, – и он кивнул на притороченные за пояс пистолеты. – Плохо службу в войсках начинаете, юноша. А ведь вы ещё в портупей-юнкерах состоите и на обер-офицерское звание только лишь претендуете сейчас. Какой же вы пример простому солдату тут собираетесь показывать, а?! – и навис над прибывшим с самым суровым и каменным лицом.

«О Господи, я как будто в своё время попал! – с тоской подумал Лёшка. – Здесь опять такие же «комендачи», как и три века спустя, с их вечными придирками и угрозами. Осталось ещё только «губой» меня погугать, и картина вообще, точь-в-точь с той самой из далёкого будущего совпадёт».

– Если и дальше собираетесь так службу нести, мне вас будет проще на гауптвахту поместить, сержант, глядишь, хоть там вы ума-разума наберётесь, в тёмной сидячи, – всё не унимался «местный комендант».

«Ну вот, так я и думал, – философски вздохнул Лёшка, – ничего не меняется в этом бренном мире».

– Кхм! – кашлянул, привлекая внимание майора, стоявший поодаль недавний попутчик Лёшки, уже закончивший свою процедуру регистрации. – Я есть сам благодарен сей юноша, за его очень смелый действий против разбойников. Камзол он разорвать и свой рану иметь, когда спасать меня, старший офицер генерального штаба воинской коллегии её императорского величества, – и барон напыщенно встряхнул головой в своём накрахмаленном парике. – Если бы не его решительный действий, я бы тут с вами не стоять, и мой важный карты с бумагой тогда бы мог попасть неизвестно в чей руки. А это всё есть очень-очень строгий государственный тайн. Так что вам, господин секунд-майор, нужно лючше сказать спасибо сей храбрый юнош, чем его вот тут так ругать. Я ведь сам очень спешить и торопить его в ваш штаб, ведь граф Пётр Александрович очень меня ожидать, он так сильно нуждаться в хороший картограф, – и Генрих фон Оффенберг по-приятельски подмигнул строгому секунд-майору.

– Ну что же, ваше высокоблагородие, тогда будем считать это делом улаженным, – кивнул уже более покладисто дежурный офицер. – А всё же молодому человеку впредь наука будет, что нужно в порядке себя содержать, чай не из подлого сословия-то сам родом будет. Вас сейчас же проводят к командующему армией. Он уже извещён о вашем прибытии и готов вас принять немедленно, – козырнул он уважительно барону. – А унтер-офицер Егоров пока что подождёт своё распределение при штабе. Казачий разъезд уже послан в то место, где на вас было совершено нападение разбойников, глядишь, Бог даст, и найдут этих оставшихся в живых злодеев. Их ведь нынче очень много развелось в этих местах. Ну а вашего пленного, что вы с собой связанным привезли, мы уже передали в руки военно-полевого суда. Судя по всему, сам он из дезертиров будет, а разговор с такими во время военных действий короткий. Ну да то уже не моё дело. Прощайтесь с попутчиками, господин подполковник, и пройдите к командующему, – и «комендач» прошёл с бумагами Алёшки в соседний большой шатёр.

– Ну что, Алексей, не прощай, а, как говорить в России, – «до скорой встречи», да? – и барон, широко улыбнувшись, обнял Лёшку. – Я желать тебе только удачи и скорый рост в

чинах. Думать, мы ещё с тобой увидаться, а это мой маленький презент от добрый друг, – и он протянул юноше ножны чёрного цвета, откуда выглядывала костяная ручка кинжала с полукруглым бронзовым навершием. – Это есть швейцарский охотничий кинжал Гольбейна, очень хороший клинок, уверяю, как раз для такой умелый егерь, как ты.

Алексей вынул поданный ему кинжал из богатых ножен и невольно им залюбовался. В его руках был классический обоюдоострый клинок с широким лезвием, заканчивающимся на конце острейшим жалом. Именно такие кинжалы станут прообразом офицерских ножей у штурмовых отрядов СА Германии XX века, а потом уже и вожаемым трофеем для тех, кто громил эту «коричневую чуму».

– Владеть им на славу, Алексей! – и, ударив по плечу юношу, барон ушёл вслед за сопровождающим его молодым прапорщиком.

Пока Лёшка ждал назначения, у него было время осмотреться вокруг. Лагерь Первой дунайской армии Румянцева представлял собой самый настоящий муравейник. Всюду были видны передвигающиеся строем команды солдат с унтерами или же с обер-офицерами во главе. Куда-то скакали отряды казаков, драгун и кирасир. Вот к рогаткам, ограждающим штаб, подскочил неполный десяток гусар в своих пыльных доломанах, а их офицер, бросив поводья коня подскочившему рядовому, зашпешил к выскочившему навстречу дежурному унтеру. В отдалении занимался муштрой под мерный барабанный бой строй солдат с длинными фузеями на плечах. По песчаной дороге четвёрки крепких лошадей катили три блестящих на жарком солнце бронзовые пушки. За ними, в отдалении, в шлейфе пыли следовали две парные конки с зарядными ящиками. От стоявших ровными рядами белых палаток, где периодически мелькали фигурки людей, доносились до штаба чьи-то истошные крики.

– Опять в Выборском полку у Думашева солдат для порядка порють, – кивнул в сторону дальних палаток подошедший к Алексею молодой и высокий прапорщик. – Ты что, новенький сам? Я слышал, ты только что с подполковником к нам на службу прибыл? – и он внимательно посмотрел на Алексея.

– Да он меня подвёз по пути просто, – ответил любопытному прапорщику Лёшка. – Мы уже возле самих Дубоссар только с ним познакомились. А так, я всё со своего имения с дядькой на почтовых перекладных к вам сюда добирался.

– А-а-а, вот оно что-о, – протянул понимающе прапорщик. – А я-то уж думал, что ты из фазанов, ну как бы из барчуков важных, генеральских будешь. А ты, стало быть, нашенский, из служивой породы. Ну тогда ладно, коли так. Меня самого Сергеем зовут. Сергей Андреевич Сенцов, прапорщик Апшеронского полка! – представился собеседник. – Так-то до подпоручика, если по общей выслуге, мне всего лишь год остался, – и он солидно почесал светлый пушок над верхней губой. – А если какое хорошее дело случится, так ведь за геройство могут же и досрочно к следующему чину представить. А так, на сегодня, я тут в помощь дежурному по штабу от своего полка на эти сутки определён. Вообще, мне ещё до вечера тут стоять.

– А мне ещё год до первого офицерского чина трубить, – вздохнул тяжело Лёшка. – И куда я теперь попаду, вообще пока не ясно.

Сенцов помолчал, ковыряя серый песчаник сапогом, и, посмотрев искоса на Лёшку, предложил: – А хочешь в моём Апшерском полку служить? У нас полковой командир знаешь, какой хороший? Колюбакин Сергей Иванович, из настоящих командиров, а не из паркетных или штабных, как некоторые. А знаешь, какой он смелый? Всегда в первых рядах колонны со шпагой наголо идёт. Вон при недавних баталиях у Рябой Могилы и при Ларге наш полк вообще только лишь троих солдат убитыми потерял, ну и ещё пятерых ранеными вынес, а все остальные целёхонькие из сих громких дел вышли. Хотя саму турку мы там положили и не счесть сколько! Не зря же у нас говорят, что Колюбакина сильно удача любит.

– Хм, – хмыкнул удивлённо Лёшка. – А что, так можно вообще, что ли, чтобы в тот полк поступить, куда ты сам захочешь? Я вот в егерях служить хочу, неужто сможешь мне помочь?

– Ну ты, брат, и ска-ажешь тоже! – протянул с улыбкой Сергей. – В егеря ему сразу захотелось! Не-ет, туда Лёха так просто не попасть. В егеря только после трёх лет службы в строевых ротах берут, да и то только тех, кто проворен весьма и стреляет метко. Я вот даже и не мечтал там раньше служить, а сейчас и подавно у меня уже нет желания, уж больно хлопотно это, по полям да по лесам бегать. Ну так что, замолвить за тебя словечко, что ли? А то смотри, коли в гренадёры попадешь, так будешь там постоянно на себе огромный ранец таскать, гренады опасные метать и целыми днями маршировать да штыком чучело колоть. А вот ежели тебя в артиллерию возьмут, так там и вовсе придётся пушечные заряды таскать да орудийный ствол банником надраивать сутками. Это ещё когда ты в офицеры там сможешь выслужиться, вот уж где действительно-то намахнешься сполна!

Алексей подумал и кивнул головой.

– Давай в Апшеронский! Что для этого от меня нужно-то?

– Ну, пяток рублей, я думаю, что хватит, – неуверенно почесал голову под треуголкой Сенцов, оглядывая с головы до ног Лёшку.

– Не-е, нету у меня столько серебра, – покачал тот грустно головой. – Поиздержался я в этой дороге весьма, пока сюда на перекладных добрался. Мне ведь и так еле-еле на дорожные расходы даденных подорожных хватило, ещё и свои добавил. Если вот только трофейная сабля сгодится, погляди, говорят, что весьма добрая вещь, – и он крикнул Матвею, сидящему в теньке поодаль: – Никитич, а давай-ка ты сюда мою трофейную саблю!

Сергей вынул клинок из ножен, осмотрел со знанием дела её гарду, лезвие, покрутил саблей в воздухе и, как видно, остался ей явно доволен.

– Годный клинок, как видно, у польского шляхтича сия корабела до тебя была, это по её витой рукояти видно. Жди пока здесь! – и он быстро ушёл в сторону той большой палатки в виде шатра, куда время от времени заходили и откуда потом выходили какие-то озабоченные обер-офицеры и унтера.

Через минут двадцать прапорщик с весьма довольным видом подошёл к Лёшке и весело ему подмигнул.

– Ну вроде всё сладилось, Егоров, через пару часов зайдёшь вон в этот штабной шатёр и спросишь там поручика Светильникова. Он тебе выдаст предписание на руки и вернёт все твои документы. Ты не журишь, главное! Считай, что уже без пяти минут Апшеронец! – и он с размаху хлопнул Лёшку по плечу.

– Спасибо, ваше благородие, – кивнул тот благодарно.

– Да ладно тебе расшаркиваться-то, отблагодаришь, как вон сам прапорщика получишь, – улыбнулся ему в ответ Сенцов. – У меня-то ведь рука лёгкая, Лёшка, ты, главное, сам за меня держись. Ну да ладно, мне уже пора караулы менять, ты, главное, дождись, когда я с дежурства сменюсь, а потом мы вместе с тобой в полк отправимся. Там уж я тебя полковому командиру и всем нашим офицерам сразу же и представлю, – и он, развернувшись, поспешил куда-то быстрым шагом за палатки.

Через пару часов, как ему и было сказано, Алексей явился в указанный шатер, оказавшийся походной канцелярией, и, представившись сидящему за небольшим походным столиком каптенармусу, спросил поручика Светильникова.

– Проходи сюда, сержант! – крикнули ему из-за ширмы, и, пройдя за неё, Алексей предстал перед сидящим за столом весьма щеголеватым офицером.

– Ладно, ладно, – остановил он представлявшегося по всей форме юношу. – Успеешь ещё доложиться как и положено в своём полку. Итак, сим днём, десятого июля одна тысяча семьсот семидесятого года от Рождества Христова, ты, Егоров, определяешься в Апшеронский пехотный полк полковника Колюбакина в чине старшего сержанта, вот тебе на то предписание и все твои остальные документы. Служи честно, Егоров, полк хороший теперь у тебя и командир у него такой же, ему и под стать. А через год, я надеюсь, мы будем из военной коллегии представ-

ление на твой первый офицерский чин ждать. Человека своего, что с тобой из имения прибыл, поставишь на кошт как нестроевого волонтера в полку, тебе-то всё равно пока ещё денщик не положен. Время придет, и потом сможешь его уже к себе взять. Ну а коли он не захочет вообще при войсках оставаться, так пусть сам в имение отправляется, уже своим ходом, армия на себя его доставку взять не может. Ну всё, ступай уже на службу, – и поручик вяло взмахнул рукой.

Алексей взял документы и, разворачиваясь, взглянул на стоявшую рядом со стулом штабного офицера саблю в таких знакомых ножнах. По всей видимости, тому представленный Сенцовым подарок понравился.

В животе у Лёшки с утра ничего не было, и, как говорится, «кишка кишке там марш играла». Перекусить удалось лишь тройкой сухарей, запитых тёплой водою из фляги.

Там же, при перекусе, Алексей сообщил Матвею, что быть при нём у дядьки пока не получится, и у него есть теперь выбор: или же своим ходом следовать в батюшкино имение, или же оставаться нестроевым солдатом в том полку, где ему и самому теперь придётся в унтерах служить.

Тот только всплеснул руками.

– Да как же я вас, Ляксей Петрович, оставлю-то тут одного?! Что же я нашему барину-то отвечу там, в имении? Да как же я ему на глазах-то один покажусь?! Нет уж, Ляксей Петрович, коли вместе мы сюда приехали, так, Бог даст, и домой вместе поедем, как вот только с туркою уже замирился. Ты, Ляксей Петрович, значится, с офицерским шарфом и при полном параде будешь, а я уж так, по-стариковски за тобою перед нашим барином встану, – и старый солдат скромно улыбнулся.

Уже вечером к одуревающим от скуки и жары Лёшке с Матвеем наконец-то подошёл Сенцов и позвал их за собой. Был он в весьма приподнятом настроении. Как-никак это хлопотное суточное дежурство при штабе было позади, и теперь уже можно было вернуться в свой родной полк.

– Ты, главное, там по струнке стой и глазами высокое начальство ешь. Наш полковник шибко любит уставного унтера, да и офицера такого же он тоже любит, – поучал прапорщик Алексея. – Он, конечно, поначалу строгим тебе, небось, покажется, но вот потом, уже когда послужишь с ним немного, поймёшь ты его и обязательно полюбишь. Справедливый он командир у нас, а это главное. За спины солдат никогда не прячется и своих людей Колюбякин всегда бережёт. У нас даже порки-то не бывает, как вон у того же Думашева или в каких-нибудь других полках, или же в отдельных батальонах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.